

Вестник
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*№ 1 (10)
2017*

ISSN 2587-9472
Эл. № ФС77-68095



ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-68095

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (10)' 2017

Электронный научный журнал (электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Липунов В.И.

Редакционный совет:

Председатель – **Малышев Н.Г.**, чл.-корр. РАН, д-р техн. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Заместители председателя – **Семенов А.В.**, д-р экон. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Руденко Ю.С., д-р пед. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ (Московский университет им. С.Ю. Витте).

Члены редакционного совета:

Букалерева Л.А., д-р юрид. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Землин А.И., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II»);

Марченко М.Н., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, Почётный президент Ассоциации юридических вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова);

Сауляк О.П., д-р юрид. наук, проф. (Московская коллегия адвокатов «Юристы-профессионалы»);

Шамба Т.М., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист РФ (Коллегия адвокатов «ТАМИР» г. Москвы).

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. Витте», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	5
<i>Каменская Елена Викторовна</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ QR-КОДА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ИТОГОВЫХ ПРОТОКОЛОВ ГОЛОСОВАНИЯ УЧАСТКОВЫМИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ	10
<i>Митяева Юлия Владимировна</i>	
ПЛАТА ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	13
<i>Тюнякова Оксана Сергеевна</i>	

ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОРПОРАЦИЙ ЗА РУБЕЖОМ (ДРЕВНИЙ РИМ, СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА)	17
<i>Колонтаевская Ирина Федоровна</i>	
ФУНКЦИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	22
<i>Земцова Ольга Сергеевна</i>	
ПРИЗНАНИЕ БРАКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ: НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	27
<i>Михайлова Ирина Александровна, Романова Ирина Николаевна</i>	
ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ОКАЗАНИИ ТРАНСПЛАНТАЦИОННЫХ УСЛУГ	33
<i>Соцкова Наталья Ивановна</i>	

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО К МОМЕНТУ ОСВОБОЖДЕНИЯ.....	39
<i>Аминов Илья Исакович</i>	
ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРОВОКАЦИИ ВЗЯТКИ ЛИБО КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА.....	43
<i>Федюнин Антон Евгеньевич, Алферов Владимир Юрьевич</i>	
ВОПРОСЫ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ.....	51
<i>Уварова Ирина Александровна, Юрчук Василий Степанович</i>	

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

- MODERNIZATION OF HUMAN RIGHTS IN KAZAKHSTAN: MAJOR TRENDS 5
Kamenskaya E.V.
- SOME ASPECTS OF APPLICATION OF A QR CODE WHEN CONCLUDING FINAL VOTE
PROTOCOLS BY PARLIAMENTARY ELECTION COMMISSIONS 10
Mitiaeva Y.V.
- PAYMENTS FOR NEGATIVE IMPACT ON THE ENVIRONMENT PROTECTION
AS AN ELEMENT OF ECONOMICAL MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION 13
Tjunjakova O.S.

CIVIL, BUSINESS AND CONTRACT LAW

- THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CORPORATIONS ABROAD
(ANCIENT ROME, MEDIEVAL EUROPE) 17
Kolontaevskaya I.F.
- FAMILY-LEGAL RESPONSIBILITY FUNCTIONS 22
Zemtsova O.S.
- MARRIAGE RECOGNITION: CERTAIN ACTUAL QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE 27
Mikhailova I.A., Romanova I.N.
- GROUND AND CONDITIONS OF CIVIL LIABILITY FOR HARM CAUSED DURING
THE PROVISION OF TRANSPLANTATION SERVICES 33
Sotskova N.I.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- ORGANIZATIONAL-LEGAL AND PEDAGOGICAL PECULIARITIES OF ADAPTATION
OF THE PERSONALITY OF THE CONCERTED TO THE MOMENT OF RELEASE 39
Aminov I.I.
- OPERATIONAL EXPERIMENT AND DOCUMENTATION PROVOCATION
OF A BRIBE OR COMMERCIAL PAYOFF 43
Fediunin A.E., Alferov V.Yu.
- QUESTIONS SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF THE NATURE
AND CONTENT OF INVESTIGATIVE SITUATION 51
Uvarova I.A., Urchuk V.S.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОТВОРЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Каменская Елена Викторовна,
кандидат юрид. наук, доцент,
зав. кафедрой теории и истории государства и права,
e-mail: ekatenskaya@muiv.ru,
Московский университет имени С.Ю. Витте,
<https://www.muiv.ru>

Данная статья посвящена рассмотрению основных тенденций модернизации правотворчества в Российской Федерации. Автор выдвигает ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства в этой области.

Ключевые слова: правотворчество, модернизация правотворчества, гражданское общество, краудсорсинг, нормативный правовой акт

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-3-8

Проблематика правотворчества в Российской Федерации – одна из самых обсуждаемых в юридической литературе. Качество принимаемых нормативных правовых актов, прозрачность и открытость правотворческого процесса, соблюдение важнейших принципов правотворчества – это вопросы, не выходящие из сферы пристального внимания не только представителей юридической науки и практики, и в целом граждан нашего государства.

На наш взгляд, можно выделить ряд тенденций, свидетельствующих о процессе модернизации правотворчества. Успешность их реализации различна, но желание органов государственной власти расширить субъектный состав правотворческого процесса очевидно. В данной работе, ввиду ограниченности объема, предлагается анализ двух тенденций модернизации правотворчества.

Во-первых, проявляется тенденция усилить взаимодействие государства с обществом в сфере правотворчества. Не подлежит сомнению, что адекватное отражение интересов и ценностей общества, его различных слоев и групп в содержании принимаемых нормативных правовых актов является одним из критериев эффективности законодательства. Учеными неоднократно в числе значимых принципов правотворчества назывались принципы демократизма и открытости правотворчества. Сущностью данных принципов является изучение органами государственной власти социальных интересов общества и выражение их в принимаемых актах. Исследователь О. Н. Разбаш называет в качестве одного из принципов правотворчества принцип гражданского сотрудничества, под которым понимает «необходимость скоординированности сотрудничества государственной власти и общества на основе взаимного доверия и открытия и принятия политико-правовых решений и соответственно привлечения ответственности к обсуждению законопроектов» [1].

Новые формы взаимодействия гражданского общества и государства получили название «краудсорсинг». Впервые термин «краудсорсинг» (от англ. слов «толпа» и «использование ресурсов») использовал журналист Джефф Хауи в своей статье в 2006 году. Под краудсорсингом понимается передача определенных производственных функций широкому кругу лиц на основании публичной оферты, причем без заключения трудового договора. Применение данной технологии в правотворческом процессе интересно рассматривается в научной работе М.М. Курячей «Технологии краудсорсинга в юридической практике» [2]. Для современного общества характерен высокий уровень развития информационных и телекоммуникационных технологий, активное использование населением, бизнесом, общественными организациями, органами государственной власти данных технологий. Огромное число виртуальных социальных сетей созданы в каждом государстве, и в мире в целом. Все это существенно расширяет возможности информирования и получения обратной связи от населения о приемлемости того или иного правового акта. Примером такого совместного правотворчества стало принятие Конституции Исландии в 2011 году. Как пишет М. М. Курячая, краудсорсинговый проект Конституции по-

звонил решить в Исландии две политические проблемы: с одной стороны, государственная власть разделила политические риски от разработки и принятия нового конституционного проекта с гражданской общественностью, которая приняла участие в написании правил собственного бытия; с другой стороны – увеличила долю лояльного к своей деятельности населения, поскольку большинство граждан осознали, что их мнение значимо [1].

В России к явлению краудсорсинга можно было отнести обсуждение федерального закона «О полиции». Но в целом, возможности использования краудсорсинга в российском правотворческом процессе еще явно не используются в полной мере, научных работ по данному вопросу также мало.

Учитывая, что целью взаимодействия власти и общества является создание качественного законодательства, то первостепенной задачей сегодняшнего дня является разработка и нормативное закрепление различных приемов, процедур, механизмов выявления, учета и согласования различных социальных интересов. Как показывает пример принятия Конституции Исландии, значимость мнения гражданского общества при принятии важнейших государственных решений выгодна не только самому обществу, но и государству. Чувство ответственности за решение будет лежать как на органах государственной власти, так и на обществе.

Вторая тесно связанная с предыдущей тенденция – это открытость информации органов государственной власти о принятии правотворческого решения. Органы государственной власти неоднократно декларировали, что выстраивание системы раскрытия информации о подготовке проектов нормативных правовых актов является одной из приоритетных задач государства. Так, в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию России 12 декабря 2013 г. Президент В.В. Путин отмечал, что «все законопроекты, ключевые государственные решения, стратегические планы должны проходить гражданское, так называемое нулевое, чтение с участием НКО, других институтов гражданского общества» [2].

Для реализации данной задачи была создана определенная нормативно-правовая база.

В 2011 году был принят Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [3]. Данным правовым документом были введены нормы об активном участии граждан в законодательном процессе на федеральном уровне. Он закрепил, что в целях совершенствования законотворческой деятельности и обеспечения учета общественного мнения при подготовке проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов Президент Российской Федерации может вынести проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации, на общественное обсуждение. Указанные законопроекты будут размещены в сети Интернет для ознакомления с ними, внесения замечаний и предложений. По истечении 90 дней со дня завершения общественного обсуждения законопроекта Президенту Российской Федерации будет представлен доклад о результатах его обсуждения. Впервые такому общественному обсуждению были подвергнуты проекты федеральных законов «Об образовании в Российской Федерации» и «О полиции».

Если задуматься над практической реализацией данного документа, то формулировка нормы п. 1 Указа «может вынести проекты ... на общественное обсуждение», которая представляет собой диспозитивное установление возможности совершения органом государственной власти определенных действий в отношении граждан и организаций, существенно ограничивает право граждан на общественное обсуждение. Право определения того, какой законопроект выносить на общественное обсуждение, остается субъективным правом органа власти.

Кроме того, до сегодняшнего дня на федеральном уровне не был детально разработан механизм осуществления общественных обсуждений законопроектов, чтобы это начинание органов власти работало реально на практике. Подобный опыт в нашем государстве есть: на уровне субъектов Российской Федерации разработаны эти механизмы (например, Калининградская область). В вопросах регламентации правотворчества законодательство субъектов Российской Федерации опережает федеральное, что приводит к мысли о возможности проведения мониторинга региональных правовых актов по рассматриваемой проблеме и подготовке законопроекта, «в котором следует зафиксировать материальные и процессуальные нормы такого важного института непосредственной демократии, как всенародное обсуждение законопроектов» [4, С. 17].

В 2012 году был принят Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [5], в котором предусмотрен комплекс мер, направленных на развитие взаимодействия органов государственной власти и общества в сфере правотворчества.

Во исполнение данного Указа Президента России было принято постановление Правительства РФ от 01.09.2012 № 877 (ред. от 15.06.2013) «Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти» [6]. В состав нормативных правовых актов, которые должны быть предварительно обсуждены на заседаниях общественных советов были включены:

- нормативные правовые акты, которые включены в план законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на очередной год;
- нормативные правовые акты, которыми устанавливаются публичные нормативные обязательства, определяются размеры публичных нормативных обязательств и (или) устанавливается порядок их индексации, а также порядок исполнения публичных нормативных обязательств;
- Государственные программы и целевые программы Российской Федерации, разрабатываемые федеральными органами исполнительной власти;
- нормативные правовые акты, разрабатываемые федеральными органами исполнительной власти, предварительное обсуждение которых на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти предусмотрено решением Правительства Российской Федерации.

Правительством Российской Федерации была утверждена «Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмотрения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан Российской Федерации в течение одного года» [7].

Считаем справедливой выраженную в юридической литературе точку зрения, что режим публичных слушаний не должен ограничиваться только социально-экономической сферой, а «должен охватывать всю сферу законотворческой и нормотворческой деятельности» [8].

В 2012 году было принято постановление Правительства РФ от 25.08.2012 № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» (вместе с «Правилами раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» [9].

Если проанализировать статистические данные, размещенные на сайте <http://regulation.gov.ru>, о количестве проведенных публичных обсуждений по проектам нормативных актов, то можно отметить пока низкую степень публичной обсуждаемости актов. Так, за первое полугодие 2016 года публичные обсуждения были проведены по 90 актам. В обсуждении приняли участие 72 субъекта. Двадцать четыре предложения участников публичных обсуждений были учтены органами власти. Поэтому задача активного вовлечения в процесс публичных обсуждений (консультаций) нормативных правовых актов является актуальной, уровень доверия общества к власти необходимо повышать путем повседневной планомерной работы различных институтов власти и гражданского общества. Привить чувство ответственности и сопричастности к принятию решений нашим гражданам не удастся одномоментно. Здесь на первый план выходит повышение уровня правосознания и правовой грамотности населения в целом.

Кроме того, «слабая результативность общественных обсуждений проектов нормативных правовых актов, во многом объясняется огромным количеством принимаемых нормативных правовых актов, из которых на Едином портале для публичного обсуждения www.regulation.gov.ru ежегодно размещается порядка 5000 актов, большинство из которых носят преимущественно технический характер» [8].

Необходимым и своевременным представляется принятие в 2015 году постановления Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 (ред. от 30.06.2016) «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской

Федерации» (вместе с «Правилами проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов») [10]. Согласно п. 1 Правила «устанавливают порядок проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». В этом акте установлена детальная процедура проведения общественных обсуждений нормативных правовых актов. Также акцентируем внимание, что рассмотрение предложений в ходе публичных обсуждений является не правом, а обязанностью разработчиков нормативных правовых актов [10, п. 19].

Минэкономразвития России была разработана и утверждена методика оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы проекта плана проведения федеральным органом исполнительной власти оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы отчета об оценке фактического воздействия нормативного правового акта, формы заключения об оценке фактического воздействия нормативного правового акта [11]. Органы государственной власти уверены, что оценка фактического воздействия нормативного правового акта позволит пересматривать малоэффективные нормативные акты в целях совершенствования действующего регулирования в контексте исключения необоснованных обязанностей, запретов и ограничений в бизнес-сфере.

Таким образом, считаем, что в правотворческой деятельности Российской Федерации наметились позитивные сдвиги в части усиления взаимодействия власти и общества, открытости принятия правотворческих решений, положены начала формирования нормативной правовой базы, регламентирующей взаимодействие государства и общества в сфере правотворчества. Но о реальной эффективности говорить пока рано, так как доверие общества к государству, веру населения в то, что их мнение значимо и будет услышано, необходимо возвращать многие годы. Именно право должно стать основным связующим элементом гражданского общества и государства.

Автор считает, что в данной работе новыми являются следующие положения и результаты:

1. Анализ тенденции усиления взаимодействия государства и общества в сфере правотворчества.
2. Анализ тенденции открытости органов государственной власти в процессе принятия решений.
3. Акцентирование внимания специалистов юридической науки и практики на необходимости научного анализа нового понятия в правотворческом процессе, возникшего в связи с информатизацией общества, именуемого «краудсорсинг».
4. Анализ нормативной правовой базы Российского государства, являющейся основой для проявления вышеуказанных тенденций.

Список литературы

1. *Курячая М.М.* Технологии краудсорсинга в юридической практике // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 31-37. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс»
2. «Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации» 12.12.2013 // Российская газета. 2013. 13 декабря.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // Российская газета. 2011. 11 февраля.
4. *Липчанская М.А.* Общественное обсуждение законопроектов как форма участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 17.
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ, 2012, № 19, ст. 2338.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.09.2012 № 877 (ред. от 15.06.2013) «Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ, 2012, № 37, ст. 4997.
7. Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан Российской Федерации с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для рассмо-

тения в Правительстве Российской Федерации предложений, получивших поддержку не менее 100 тыс. граждан Российской Федерации в течение одного года, утвержденная Правительством Российской Федерации // Документ опубликован не был. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://government.ru> по состоянию на 28.08.2012.

8. Дзидзоев Р.М., Тамаев А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 66-70. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс»

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 № 851 (ред. от 15.10.2016) «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» (вместе с «Правилами раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения») // Собрание законодательства РФ, 2012, № 36, ст. 4902; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 18.10.2016.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.01.2015 № 83 (ред. от 30.06.2016) «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов») // Собрание законодательства РФ, 2015, № 6, ст. 965. Собрание законодательства РФ, 2016, № 28, ст. 4738.

11. Приказ Минэкономразвития России от 11.11.2015 № 830 «Об утверждении методики оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы проекта плана проведения федеральным органом исполнительной власти оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, формы отчета об оценке фактического воздействия нормативного правового акта, формы заключения об оценке фактического воздействия нормативного правового акта» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.06.2016

MODERNIZATION OF HUMAN RIGHTS IN KAZAKHSTAN: MAJOR TRENDS

Kamenskaya E.V.,

*Candidate of Law. Sci., Associate Professor,
Head. Department of Theory and History of State and Law,
e-mail: ekamenskaya@muiiv.ru,
Moscow Witte University,
<https://www.muiiv.ru>*

The article is devoted consideration consideration of major trends modernization of law-making in the Russian Federation. The author gives some offers on current legislation improvement in this area.

Keywords: lawmaking, modernization of law-making, civil society, crowdsourcing, normative legal act

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ QR-КОДА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ИТОГОВЫХ ПРОТОКОЛОВ ГОЛОСОВАНИЯ УЧАСТКОВЫМИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ

Митяева Юлия Владимировна,

канд. полит. наук,

доцент кафедры правовых и гуманитарных дисциплин,

Филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани

<https://www.muiiv.ru/ryazan>

Статья посвящена вопросу применения QR-кода на итоговых протоколах УИК. В ней рассматриваются особенности использования такого рода кодирования данных при составлении итоговых протоколов голосования УИК, целесообразность данного технического нововведения в работе избирательных комиссий различного уровня. Используя анализ практики организации работы данной системы кодировки данных при проведении выборов в некоторых субъектах РФ можно сделать вывод о том, что применение подобного рода технических систем позволит более эффективно решать вопрос подсчета голосов избирателей и повысит уровень доверия к проводимым в РФ выборам, как со стороны избирателей, так и со стороны международных наблюдателей.

Ключевые слова: выборы, избирательный процесс, избирательные технологии, QR-код, подсчет голосов, избиратели

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-8-11

Выборы 2017 года в России пройдут с применением некоторых технологических новшеств. В частности, речь идет о применении QR-кода на итоговых протоколах УИК. Собственно, QR-код относится к категории двухмерных (матричных) штрихкодов. Аббревиатура QR в названии расшифровывается как quick response от англ. «быстрый отклик». Код разработан «Denso Wave» подразделением корпорации Denso Wave Incorporated. Для создания QR-кодов не требуется никаких специальных навыков и устройств[1].

Не смотря на то, что за применение кодирования проголосовал, практически, весь состав ЦИК РФ, дискуссионных вопросов осталось достаточно и, все их необходимо решить до начала выборов 2017 года. На 73-м заседании 8 февраля 2017 года Центральная избирательная комиссия приняла за основу проект постановления «О применении технологии ускоренного ввода данных протоколов участковых избирательных комиссий об итогах голосования в Государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Выборы» с использованием машиночитаемого кода». За решение проголосовало 14 членов ЦИК. Проект постановления представил член ЦИК Антон Лопатин. Обсуждение проекта, сопровождалось включением по видеоконференции двух председателей избирательных комиссий субъектов РФ. Использование QR-кода, напечатанного на протоколе об итогах голосования участковой избирательной комиссии, должно позволить автоматизировать ввод в ГАС «Выборы» данных, содержащихся в протоколе. По мнению авторов проекта, автоматизация позволит снизить влияние человеческого фактора при вводе данных.

QR-код на итоговом протоколе УИК должно формировать специальное программное обеспечение (СПО УИК), запускающееся на «техническом оборудовании, соответствующем установленным требованиям». А, именно, компьютер с принтером. Для ввода в ГАС «Выборы» данных, зашифрованных в QR-коде, будет применяться специальное программное обеспечение ГАС «Выборы» (СПО ГАС «Выборы»).

Ранее, на 71-м заседании ЦИК 25 января, обсуждение вопроса о введении QR-кода также вызвало бурную дискуссию, продлившуюся около получаса. Уже тогда член ЦИК РФ Евгений Колюшин назвал введение QR-кодов «контрреволюционным изменением», требующим законодательного оформления. Он обратил внимание на то, что компьютеры на избирательных участках, которые предполагается использовать для проверки данных протоколов, не являются частью системы ГАС «Выборы», как этого

требует закон. Тогда же, защищая нововведение, Элла Памфилова сказала об открытости системы ГАС «Выборы»: «Система ГАС «Выборы» обеспечивает максимальную открытость. Посмотрите, ещё много ли стран, которые полностью... Нашу информацию можно всем ученым разных стран вдоль и поперек анализировать потому, что у нас максимально все данные открыты, всё есть централизованно. Открыл и анализируй, выводы прямые, кривые горбатые, такие-сякие. Всё открыто, всё есть! Найдете вы, ну, в тех же, скажем, Штатах? Нет этого! То есть система максимально открыта для граждан» [2]. По словам заместителя председателя Центральной избирательной комиссии РФ Николая Булаева QR-код – это одно из технических решений, которое ЦИК РФ в настоящее время уже достаточно серьезно апробировал. Есть принятое ЦИК России соответствующее постановление. Есть несколько территорий, где в ходе избирательных кампаний разного уровня, в том числе и на выборах депутатов Госдумы, где эту технологию применяли. Ничего сложного в ней нет. И любой регион на выборах любого уровня имеет возможность на законных основаниях эту технологию применять.

Представляется очень важным, что эта технология позволяет реально решить ряд проблем. В первых, предполагается, что само составление протокола происходит с использованием компьютера, и в ходе составления протокола уже соответствующая компьютерная программа проверяет правильность контрольных соотношений всего, что связано с математикой. Важно делать это в автоматическом режиме, а не просто довериться членам избирательной комиссии, потому что в любом деле всегда имеет место человеческий фактор и ошибки совершаются. Когда при составлении протокола сделаны ошибки, если их не заметили сразу, приходится возвращаться в участковую комиссию, переписывать протокол. А переписывание протокола всегда вызывает подозрение, что что-то здесь не так. Мне кажется, введение QR-кода позволяет нам избежать ошибок уже на первом этапе. И, во-вторых, когда мы переносим данные протокола в систему ГАС «Выборы», QR-код позволяет это сделать в автоматическом режиме. Таким образом, избегаем пресловутого человеческого фактора и делаем это достаточно быстро: где-то в семь-восемь раз быстрее. Сама технология особенно ничего нового не приносит, но позволяет сделать более прозрачной процедуру подготовки протокола, ускорить его тиражирование и ввод в ГАС «Выборы». Все в совокупности говорит о том, что это будет широко применяться и в ходе избирательных кампаний по выборам 10 сентября 2017 года — в единый день голосования, и на президентских выборах[3].

Федеральный центр информатизации (ФЦИ) при ЦИК подтвердил, что готов внедрить необходимую программу, тестовая версия которой уже прошли испытания. **Так, после заполнения протокола в электронном виде эта программа выводит на печать QR-код, который содержит данные из протокола.** «Системный администратор будет не руками вбивать итоговые цифры из протоколов, которых может быть до шести штук с каждого участка, а это до 50 тыс. цифр, а просто сканировать QR-код протокола», – пояснил глава ФЦИ Михаил Попов в интервью изданию. После распознавания данных протоколов цифры появятся на экране системы, а затем в режиме реального времени будут пересылаться в ГАС «Выборы»[4].

По мнению члена ЦИК РФ Антона Лопатина, использование QR-кода не позволит фальсифицировать результаты при отправке протоколов из участковой комиссии в территориальную. Кроме того, QR-код с помощью специальной программы на смартфоне смогут считывать и члены избиркома, и наблюдатели, что упрощает доступ к итоговым протоколам. «Если будет QR-код, это, можно сказать, дополнительная гарантия, что системные администраторы не перепутают или не ошибутся. В день голосования нагрузки – колоссальные, и человеческий фактор всё равно был и будет», – отметил Лопатин[5].

Мнение о повышении степени защищенности данных по результатам голосования за счет применения системы кодирования было поддержано рядом экспертов, которые считают идею «кодирования» бюллетеней актуальной не только для оценки выборов в России, но и для наблюдателей из других стран. По словам руководителя Политической экспертной группы **Константина Калачева**, важно повышать уровень доверия к выборам. «В данном случае это актуально не только для внутреннего, но и для внешнего потребления, потому что не все в мире верят в легитимность выборов в России. То есть, чтобы вопросы по поводу чистоты и честности процедуры не возникали и за ее пределами, это вполне разумная мера». Президент фонда «Петербургская политика» **Михаил Виноградов** при этом считает, что для борьбы с фальсификациями должна быть не одна, а

целая система мер. «Опыт прошлых выборов в Госдуму показывает, что есть вопросы по срокам внесения результатов в ГАС «Выборы», тут надо еще вводить протоколы или мониторинг сроков. Есть дополнительные шаги, связанные с доступностью данных видеонаблюдения». Он добавил, что с применением новых мер защиты фальсифицировать результаты будет сложнее[6].

Безусловно, внедрение новых технологий на выборах, всегда будет сопряжено с массой сложностей, связанных с финансированием этих программ, приведением в соответствие с действующими нормами законодательства о выборах, целесообразностью затраченных усилий. Однако, более чем восьмилетний опыт эксплуатации Государственной автоматизированной системы «Выборы» показал, что применение ИТ-систем позволяют осуществлять контроль за легитимностью выборов на новом уровне. В частности, пытаясь доказать нарушения на участке, иногда присылают сфабрикованную фальшивую копию протоколов, с фальшивыми печатями, подписями и, иногда, даже несуществующим адресом участка. Автоматическая обработка результатов все подобные проблемы сразу снимает. Более того, резко ускоряется процесс подсчета. Так, в ходе эксперимента в г. Рязани протокол был получен через пять минут после завершения голосования[7]. А, применение QR-кодирования ускорит процесс обработки переданного в ТИК протокола в несколько раз. В Послании Президента Российской Федерации поставлена глобальная задача: итоги выборов должны быть известны сразу же после того, как закончилось голосование. Значит, необходимо выйти на следующий уровень автоматизации, масштабный количественно и качественно принципиально новый. От работы с 2747 территориальными избирательными комиссиями перейти к работе с 98 тыс. участковых комиссий и обеспечить автоматизацию их работы[8]. Подобного рода задачи организации и проведения выборов в России однозначно предполагают дальнейшее движение в сторону активного использования технических средств при составлении списков избирателей, возможности голосования по удаленному доступу через Интернет, подсчета голосов, составления итоговых протоколов для снижения влияния так называемого «человеческого фактора» и повышения уровня доверия избирателей к выборам.

Список литературы

1. <https://www.denso-wave.com/en/>
2. <http://www.cikrf.ru>
3. <https://ria.ru/interview/20170316/1490149737.html>
4. <http://www.cikrf.ru/about/organizations/fci.html>
5. <https://spbelect.info/2017/02/10/tsik-progolosovala-za-qr-kod/>
6. <http://izvestia.ru>
7. <http://yandex.ru/clck/jsreDIR>
8. <https://www.iemag.ru/interview/detail.php?ID=21209>

SOME ASPECTS OF APPLICATION OF A QR CODE WHEN CONCLUDING FINAL VOTE PROTOCOLS BY PARLIAMENTARY ELECTION COMMISSIONS

Mitiaeva Y.V.,

*Candidate of Political Science,
Associate Professor of the Chair of Legal and Humanitarian Disciplines,
Ryazan branch of Moscow Witte University,
<https://www.muiv.ru/ryazan>*

The article is devoted to the application of QR-code on the final protocols of PECs. It discusses the specifics of using this kind of data coding when compiling the final voting protocols of the PEC, the feasibility of this technical innovation in the work of election commissions of various levels. Using the analysis of the practice of organizing this data coding system in the conduct of elections in some constituent entities of the Russian Federation, it can be concluded that the use of this kind of technical systems will make it possible to more effectively resolve the question of counting the votes and increase the level of confidence in the elections held in the Russian Federation, , And by international observers.

Keywords: Elections, electoral process, electoral technologies, QR-code, vote counting, voters

УДК 574

ПЛАТА ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Тюнякова Оксана Сергеевна,
ст. преподаватель,
e-mail: OTjunjakova@ryazan.miemr.ru,
филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани,
<https://www.muiiv.ru/ryazan>

Статья посвящена анализу платы за негативное воздействие на окружающую среду. На основе действующего законодательства определена роль и эффективность платы за негативное воздействие на окружающую среду как инструмента экономического механизма охраны окружающей среды.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, государственная политика в области экологического развития, экономический механизм охраны окружающей среды, плата за негативное воздействие на окружающую среду

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-11-15

Основная функция платы за негативное воздействие на окружающую среду – это функция стимулирования бережного использования природных благ. Негативное воздействие на окружающую среду должно быть экономически не выгодным, а сами плательщики должны быть экономически заинтересованы в сокращении негативного воздействия на окружающую среду, в отказе от чрезмерного использования природных ресурсов. Именно в этом проявляется реализация экономического механизма охраны окружающей среды и заключается действенное применение его инструментов.

Как отмечается в Основах государственной политики в области экологического развития на период до 2030 года «экологическая ситуация в Российской Федерации характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности. В 40 субъектах Российской Федерации более 54 процентов городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха. Объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенных, остается высоким. Практически во всех регионах сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель» [3]. Такая ситуация предопределяет стратегическую цель государственной политики в области экологического развития – «решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области окружающей среды и обеспечения экологической безопасности» [3].

Однако формулирование лишь цели, определение задач и принципов государственной политики в области экологического развития не достаточно, нормы экологического законодательства не должны являться декларативными. А потому одним из актуальных вопросов остается вопрос их реализации, вопрос совершенствования экономического механизма охраны окружающей среды, поиск оптимальных инструментов такого механизма.

Эффективное использование природных ресурсов при сохранении окружающей среды – это проблема, которая стоит перед государством и обществом в целом.

Баланс между интересами развития экономики и сохранением экологии – вот то, что необходимо соблюдать и к чему стремиться. Однако в действительности мы наблюдаем, что финансирование мероприятий по охране окружающей среды осуществляется по остаточному принципу в России. Напряженная экономическая ситуация в целом в стране приводит к уменьшению выделения средств на охрану

окружающей среды и организацию рационального природопользования. А потому среди инструментов экономического механизма охраны окружающей среды ведущая роль отводится плате за негативное воздействие на окружающую среду.

В науке экологического права об экономических инструментах решения экологических задач существуют различные точки зрения. Так, С.А. Боголюбов считает экономический механизм составной частью общего механизма регулирования общественных экологических отношений, одним из наиболее мощных его регуляторов [5, с. 193].

О.И. Крассов разделяет экономические механизмы на две категории: охраны окружающей среды и природопользования. Экономический механизм охраны окружающей среды включает в себя, по его мнению, «финансирование мероприятий по охране окружающей среды, правовое регулирование взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду, экономическое стимулирование в сфере охраны окружающей среды» [6, с. 204].

Согласно определению, предложенному Т.В. Петровой, экономический механизм – механизм реализации эколого-правовых норм и всего экологического права в целом и опосредованный правовой механизм регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды с использованием таких экономических инструментов, как платежи, налоги, льготы, цены, субсидии и т.п. [8, с. 17]. Также Т.В. Петрова выделяет следующие характеристики мер экономического регулирования: важность для процессов аккумулирования, распределения и использования необходимых финансовых ресурсов, способность стимулировать экономический интерес субъектов экологических отношений, предоставление им свободы выбора в пределах, определенных законом, а также применение в границах правомерного, допускаемого законом поведения [8, с. 11-12]. Нельзя не согласиться, что такие характеристики затрагивают стимулирование субъектов хозяйственной деятельности к минимизации негативного воздействия и как следствие поиску позитивного воздействия на окружающую среду.

П.И. Лысухо также подчеркивает, что актуальным становится регулирование на правовой основе формирования механизма экономической заинтересованности субъектов хозяйственной деятельности в уменьшении ущерба окружающей среде [7, с. 23].

Таким образом, экономический механизм охраны окружающей среды представляет собой комплекс инструментов как поощрительного, так и принудительного характера, с помощью которых обеспечивается достижение цели и задач государственной политики экологического развития.

Обратимся к нормативному закреплению рассматриваемого вопроса.

Плата за загрязнение окружающей среды была установлена еще в законе РСФСР от 19 декабря 1991 г. №2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [4], который предусматривал платежи за выбросы, сбросы загрязняющих веществ и отходов. Нормативно она нашла свое закрепление и в новом Федеральном законе Российской Федерации от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [1]. Однако, несмотря на то, что рассматриваемый платеж не является новым экономическим инструментом природоохранной политики, многие вопросы его правовой природы не были должным образом урегулированы. Лишь внесенные Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] поправки упорядочили систему экологических платежей, прояснили вопросы по порядку взимания платежей за негативное воздействие на окружающую среду. Так Федеральный закон № 7-ФЗ дополнился статьями 16.1-16.5, устанавливающими:

- лиц, обязанных вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду;
- порядок определения платежной базы для исчисления платы за негативное воздействие на окружающую среду;
- порядок исчисления платы за негативное воздействие на окружающую среду;
- порядок и сроки внесения платы за негативное воздействие на окружающую среду;
- контроль за правильность исчисления рассматриваемой платы, полнотой и своевременностью ее внесения.

Остановимся лишь на существенных изменениях, внесенных в законодательство в части платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду взимается только:

- за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными объектами;
- за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты;
- за хранение, захоронение отходов производства и потребления.

Ранее перечень видов платы за негативное воздействие на окружающую среду, помимо того, что он был открытым (рассматриваемая норма включала формулировку «иные виды негативного воздействия на окружающую среду»), не конкретизировал источники выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Освобождены от исполнения обязанности внесения платы только те субъекты (организации и предприниматели), которые осуществляют деятельность исключительно на объектах IV категории, то есть тех объектах, оказывающих минимальное негативное воздействие на окружающую среду.

Учет экономических субъектов – плательщиков за негативное воздействие на окружающую среду осуществляется при ведении государственного учета объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду в форме государственного реестра таких объектов.

Заслуживает внимания вопрос об определении размер платы за негативное воздействие на окружающую среду. Он определяет по следующей формуле:

Размер платы за негативное воздействие на окружающую среду = платежная база x ставка платы x дополнительный коэффициент.

Стоит отметить, что в целях стимулирования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих хозяйственную и (или) иную деятельность, к проведению мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду при исчислении платы за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов к ставкам такой платы применяются специальные коэффициенты, установленные в статье 16.3 Федерального закона №7-ФЗ.

Шкала специальных коэффициентов предусматривает случаи освобождения от уплаты, включая применение безотходных технологий. Например, если объем или масса выбросов, сбросов и потребления использованы в собственном производстве или переданы для использования в производстве в течение установленного законодательством срока, то применяется коэффициент 0.

В то же время действуют и повышающие коэффициенты, размеры которых значительно выше существующих. Так, если объем или масса выбросов, сбросов загрязняющих веществ превышает их объем или массу, установленные разрешениями на выброс, сброс загрязняющих веществ, применяется коэффициент 25, а это в 5 раз превышает действующий повышающий коэффициент. Обратим внимание, что коэффициент 25 применяется до 31 декабря 2019 года, уже с 1 января 2020 года для предприятий I и II категории будет применяться коэффициент 100.

Необходимо отметить и механизм корректировки платежей. Величина платы за негативное воздействие на окружающую среду правомерно уменьшается на затраты по реализации мероприятий, направленных на снижение такого негативного воздействия.

При этом должны соблюдаться следующие условия:

- мероприятия осуществлялись (финансировались) плательщиком;
- расходы документально подтверждены;

- мероприятие входит в перечень мероприятий по внедрению наилучших доступных технологий и иных мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду, предусмотренных статьей 17 Федерального закона №7-ФЗ.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать следующие выводы. Платежи за негативное воздействие на окружающую среду представляют собой одну из правовых форм реализации принципа международного права – «загрязнитель платит» как возложение обязанности платы за загрязнение на субъекта, осуществляющего выбросы и сбросы загрязняющих веществ в процессе производственной деятельности.

Путем установления платы за негативное воздействие на окружающую среду реализуется принцип, согласно которому любая хозяйственная и иная деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также юридических и физических лиц, оказывающая воздействие на окружающую среду, должна осуществляться на основе платности природопользования и возмещения вреда окружающей среды.

При этом платежи за негативное воздействие являются формой компенсации экономического ущерба, вызванного негативным воздействием на окружающую среду, но внесение платы не освобождает от ответственности за причинение вреда. В свою очередь применение ответственности за причиненный экологический вред также не освобождает от исполнения обязанности по внесению платежей.

Законодатель окончательно отказался от налоговой концепции платы за воздействие на окружающую среду, тем самым прекратив дискуссию по этому вопросу. Платеж устанавливается Федеральным законом Российской Федерации «Об охране окружающей среды» №7-ФЗ без отсылочных норм, что сохраняет и подчеркивает положение базового закона применительно к этому платежу.

В заключение сделаем вывод, что плата за негативное воздействие на окружающую среду является одним из методов экономического регулирования по совершенствованию и рациональному осуществлению охраны окружающей среды. Только четкое и однозначное законодательное закрепление правовой природы указанного платежа и неукоснительное соблюдение правовых норм в правоприменительной практике будет способствовать эффективности этого механизма и являться инструментом, ограничивающим и сдерживающим негативные последствия хозяйственной деятельности человека.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
2. Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 28.07.2014, № 30 (Часть I), ст. 4220.
3. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) ИПП «ГАРАНТ». URL : <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.03.2017 г.)
4. Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ, 05.03.1992, № 10, ст. 457. (утратил силу)
5. Боголюбов С.А. Правотворчество в сфере экологии. М.: Эксмо, 2010. 528 с.
6. Крассов О.И. Экологическое право. Учебник / Под ред. О.И. Крассова. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма, 2014. 624 с.
7. Лысухо П.И. Правовое обеспечение экологической безопасности граждан в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид наук: 12.00.01 / П.И. Лысухо. М., 2002. 215 с.
8. Петрова Т.В. Правовые проблемы экономического механизма охраны окружающей среды. М.: Издательство Зерцало, 2000. 192 с.

PAYMENTS FOR NEGATIVE IMPACT ON THE ENVIRONMENT PROTECTION AS AN ELEMENT OF ECONOMICAL MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Tjunjakova O.S.,

elder lecturer,

*e-mail: OTjunjakova@ryazan.miemp.ru,
Ryazan branch of Moscow Witte University,
<https://www.muiv.ru/ryazan>*

The article is devoted to analysis of payments for negative impact on the environment. On the basis of the current legislation defines the role and effectiveness of payments for negative impact on the environment as a tool of economic mechanism of environmental protection.

Keywords: environmental protection, state policy in the field of environmental development, economic mechanism of environmental protection, payment for a negative impact on the environment protection

УДК 34.03

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОРПОРАЦИЙ ЗА РУБЕЖОМ (ДРЕВНИЙ РИМ, СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА)

Колонтаевская Ирина Федоровна,

д-р пед., канд. юрид. наук,

профессор, зав. кафедрой гражданского права и процесса,

Московский университет им. С.Ю. Витте,

<https://www.muiiv.ru>

В статье рассматриваются причины и условия возникновения корпораций в Европе в древний период развития государства (Древний Рим) и в Средние века. Обосновываются характерные признаки корпораций, анализируются особенности корпораций в тот или иной исторический период.

Ключевые слова: корпоративные объединения, корпорация, юридическое лицо, профессиональные интересы, договор простого товарищества, коммерческие цели, стремление к сословному единению

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-15-20

Корпорации, как особые социально-экономические и правовые явления, берут свое начало в далеком прошлом, исчисляемом более чем двумя с половиной тысячами лет. Поэтому чтобы понять юридическую природу, сущность и значение корпораций, необходимо обратиться к древнейшей истории.

По историческим и документальным свидетельствам первые корпоративные образования (пока еще не юридические лица!) возникли в Античной Греции, например, этрусские этерии («общества друзей») и греческие гетерии (союзы знатных граждан), имеющие общие сисситии (т. е. пиршества, застолья). Но тогда они не стали и, в принципе, не могли стать корпорациями, поскольку еще не существовало полноценного права частной собственности [7, с. 24-25].

В Древнем Риме первые квази-корпоративные образования – коллегии, товарищества, братства (*collegium, sodalitas*) – создавались с профессиональными, политическими либо религиозными целями. Термин «коллегия» (*collegium*) употреблялся для обозначения не только объединений ремесленников и торговцев, но и жреческих коллегий. О частных корпорациях упоминается в Законах 12 таблиц (451-450 год до н. э.), которые, по свидетельству Гая (II в.), одного из самых авторитетных юристов Древнего Рима, предоставляли членам коллегий право заключать любые соглашения, если только они не нарушали этим какой-либо из публичных законов (*publica lex* – XII tab., 8, 27).

Первоначально заинтересованные объединения граждан, движимых едиными, как правило, коммерческими целями стали создаваться во времена Римской республики (509-27 гг. до н. э.). Так возник прототип государственно-частного партнерства – объединения откупщиков – частных лиц, которые с целью получения дохода брали в откуп управление государственным имуществом, производили крупные строительные и ремонтные работы и др. [2].

Другим предшественником корпораций, а именно прообразом торговых предприятий (юридических лиц, корпораций), стал договор простого товарищества (*societas*), когда двое и более участников заключали между собой соглашение ради достижения поставленной хозяйственной цели посредством внесения имущества, финансовых средств и/или личного участия. Договор товарищества устанавливал порядок выполнения работ, совершения распорядительных действий, распределения доходов и несения расходов. В результате таких действий не возникало юридического лица как субъекта гражданских правоотношений и, соответственно, личности участников товарищества не подменялись новой личностью (неким фиктивным юридическим лицом). Время существования такого объединения (союза, общества, товарищества), обычно, было весьма непродолжительным, заканчиваясь достижением цели, ради которой физические лица объединялись. Впоследствии такое восприятие совокупности граждан как отдельной гражданско-правовой единицы римским государством было перенесено и на частные общины.

Вследствие завоеваний и расширения территории Римской империи, а также в связи с развитием ремесел и торговли требовался иной, экономически более мощный субъект гражданского оборота, нежели физический субъект (гражданин, объединение граждан), владеющий ограниченным имуществом и действующий в рамках натурального хозяйства. Таким новым субъектом были призваны стать юридические лица, появляющиеся изначально в форме корпораций.

Принято считать, что юридическое лицо, как имущественно самостоятельный, обособленный от физических лиц субъект, сформировался в форме муниципий – городских общин Римской республики, которым впервые было дано право частной собственности. Кроме того, городские общины обладали хозяйственной самостоятельностью и самоуправлением. Римское государство предоставляло муниципиям право защищать свои права в суде, действуя через особых представителей (*actores*), которые рассматривались в качестве уполномоченных сообщества в целом, а не его отдельных членов [12, с. 48].

Развитие экономических отношений уже не удовлетворялось существованием краткосрочных союзов участников. Обществом стало востребовано более устойчивое объединение, наделенное своим обособленным имуществом, представляющее повышенный экономический интерес для потенциальных клиентов, контрагентов именно как некое совокупное лицо, отделенное от его участников и располагающее своим собственным имуществом [9, с. 145].

Именно в результате развития таких корпоративных (объединенных, союзных, коллегияльных) образований, как муниципии, стало возможным появление конструкции юридического лица, что прямо следует из высказываний Гая о том, что корпорация может рассматриваться в сфере частного права так же, как рассматривается физическое лицо (D. 50. 16. 16). При этом юридическое существование корпорации не прекращалось и не нарушалось из-за выхода отдельных членов из состава объединения (D. 3. 4. 7. 2). Гай указывал, что в корпорациях складывался коллективный характер отношений, поскольку в них должно было быть как минимум три члена – *tres faciunt collegium* («Трое составляют коллегия») [10, с. 118].

В подтверждение этому другой знаменитый римский юрист Ульпиан (170-228 гг.) писал: «В отношении декурионов (или других совокупностей) не имеет значения, все или остаются (в составе совокупности), или только часть, или весь состав переменялся» [3, с. 367], что означает – корпорация живет своей правовой жизнью независимо от изменения ее состава.

Таким образом, в силу социально-экономической необходимости в римском праве была определена сущность юридического лица, как коллективного (корпоративного) субъекта права, действующего как единое целое, наделенного имуществом и имущественными правами, обособленными от каких-либо физических лиц – учредителей, членов, дольщиков, участников, правительства и любого другого лица [15].

На первых порах для создания подобных корпоративных образований (ассоциаций, союзов, коллегий, товариществ и т.д.) от граждан не требовалось никакого разрешения, вследствие чего подобных корпораций сформировалось так много в Римской республике, что в 64 г. до н.э. был принят специальный закон, упразднивший все существующие образования данного типа. Позднее некоторые из них воссоздались, Гай Юлий Цезарь (100-44 гг. до н.э.) потребовал, чтобы цели формирования корпораций были отражены в уставе, который утверждался им лично [15].

Соответственно, в римский период сложился совершенно определенный прообраз юридического лица – корпоративные организации. Однако понятие юридического лица в римском праве не получило легального обоснования. Дальнейшее развитие корпоративной конструкции юридического лица продолжилось в Средние века в эпоху феодализма.

Любая корпорация – это всегда объединение лиц с определенной целью. В корпорации объединялись, прежде всего, в профессиональных интересах. В XII-XIII вв. в Западной Европе получили широкое распространение профессиональные (кузнечные, гончарные, ткацкие, кожевенные, красильные и др.) корпорации ремесленников и мастеровых. Достоверно установить, какая из корпораций возникла первой, не представляется возможным. Тем не менее, современный западный исследователь истории корпораций В.Б. Трут пишет, что первая частная компания «Корабль гавани г. Абердин» («Aberdeen Harbor Board») была основана в 1136 г. в Шотландии. Приблизительно в то же время в Великобритании была учреждена «Корпорация Лондона» («Corporation of London»). Обе эти корпорации благополучно

существуют и поныне, а «Корпорация Лондона» даже владеет четвертью земельных участков в столице Великобритании [14].

Кроме достижения профессиональных целей другой причиной создания корпораций выступало стремление к сословному единению: рыцарские ордены, дворянские собрания, высший свет (аристократия), купеческие гильдии, закрытые клубы, университеты. Сословные союзы были менее распространены, чем профессиональные, но, тем не менее, и они оставили заметный след в социально-экономической жизни средневекового общества, а некоторые пережили века и дошли до наших дней, как, например, Массонская ложа «вольных каменщиков» («союз братьев, сплотившихся в организацию»).

В VII-XVII вв. в Западной Европе формирование корпоративных организаций происходило повсеместно: в Англии и Голландии, а под их влиянием во Франции, Италии, Германии, Португалии и других европейских государств. Развитию корпораций покровительствовали правители западноевропейских стран и крупные феодалы, так как груженые товаром караваны прокладывали не только торговые пути, но и решали политико-дипломатические вопросы. В связи с этим распространение получали торговые гильдии, создаваемые для организации совместных коммерческих путешествий в зарубежные страны. В Италии появились генуэзские маоны, представлявшие собой некое подобие финансового кредитного бизнеса. Крупные финансовые объединения находились под юридическим контролем у правителей, тем самым позволяя им пользоваться определенной денежно-экономической поддержкой финансовых кредиторов.

С началом крестовых походов (XI—XV вв.) возникли морские товарищества – комменды, предоставляющие услуги по перевозке пассажиров и грузов. Комменды формировались на основании соглашения о создании товариществ на паях [1, с.144]. Стоимость пая определялась стоимостью предполагаемых расходов и доходов. Для достоверности финансовых подсчетов в морском товариществе существовал контролирующий орган в лице писца, который был обязан присутствовать при всех финансовых сделках и фиксировать их в корабельном реестре.

Одновременно с распространением корпораций сформировалось такое понятие, как корпоративный (объединенный, единый) субъект – купеческая гильдия, ремесленный цех, городская община, рыцарский орден, университет, религиозное учреждение, и т.п. Корпоративные субъекты обладали правом учреждать частные компании, необходимость учреждения которых могла возникнуть для финансирования и страхования рискованных проектов (примеру отправки грузов в дальние порты или торговых караванов в другую часть Света), а также для воплощения крупных дел, например, по приобретению земель, строительству или ремонту объектов недвижимости.

Постепенно в деятельности корпоративных частных компаний получило реализацию понятие долевого участия. К XII в. в горнопромышленных товариществах Германии появился термин «кукс», представляющий собой реально разделенную часть (пай, долю) [13, с. 51]. В основе «горнопромышленного товарищества по куксам (частям, паям) лежал «принцип дополнительных взносов товарищей, по мере надобности, на общее дело» [11, с. 84]. «Право участия в товариществе обуславливалось приобретением кукса (пая), который подлежал свободному отчуждению, но рассматривался как недвижимость» [4, с. 45]. Вместе с тем, кукс состоял не только из недвижимых вещей. Он также предоставлял его владельцу определенные права по отношению к корпорации (товариществу), к примеру, право участия в общем собрании товарищей.

В этот же период во Франции стали появляться мукомольные объединения с паевым участием, близким к значению кукса в горнопромышленном товариществе Германии. Паевыми мукомольными объединениями руководили общее собрание и избранный ими орган управления пайщиков. Паи возможно было отчуждать (продавать, дарить, завещать) иным лицам [5].

В XIV в. в Италии появилось тождественное доле понятие «лока» (loca), означавшее долю в капитале торговых товариществ и в объединениях кредиторов – маонах. Причем, данные доли (loca) определялись как равные [8, с. 8]. В силу большого объема займов государством у частных лиц оно передавало частным кредиторам право управления его долгами в счет погашения своей задолженности. Кредиторы – участники маонов – обладали правом собственности на долю (loca), которая подтверждалась записью в специальных учетных книгах. Доли (loca) могли передаваться иным лицам путем внесения соответствующей учетной записи.

С аналогичными целями в 1407 г. был создан старейший банк Европы Генуэзский банк Святого Георгия, которому Генуэзское правительство, не справляясь с бременем долгов, передало право взимать государственные налоги в счет погашения кредитных обязательств государства перед частным лицом. Банк осуществлял и другие функции кредитного учреждения – депозитные, вексельные операции и пр. В то же время основной капитал банка состоял из суммы задолженности государства и был разделен на доли (лоса). Структура управления данным банком в целом была аналогична современному правлению хозяйственных обществ, и состояла из высшего органа (общего собрания) и правления (совета выборных протекторов).

XVI-XVII столетия отмечены величайшими географическими открытиями, что вкупе с развитием производства и торговли вызвало необходимость более широкого распространения корпоративных объединений.

В 1496 г. английский король Генрих VII предоставил монополию торговли со всеми странами, которые были бы открыты на северо-восток, по пути в Индию. В целях реализации этого проекта было создано товарищество, которое получило название Russia Company (приблизительно 1566 г.). Данное товарищество состояло из купцов, получавших за незначительный вступительный взнос право торговать и проводить заемные операции от имени всей компании. Расходы и прибыль были общими и делились поровну. Каждый участник (член, товарищ) имел равные права в управлении компанией [6].

Впоследствии с подобными экономическими и геополитическими целями были учреждены Голландская Ост-Индская компания (1602 г.), Датская Ост-Индская компания (1616 г.), Португальская Ост-Индская компания (1628 г.), Французская Ост-Индская компания (1664 г.), Австрийская Ост-Индская компания (1717 г.), Шведская Ост-Индская компания (1731 г.), которые имели в Индии и некоторых других странах Южной и Юго-Восточной Азии свои сферы влияния.

В заключение следует отметить, корпорации с момента своего зарождения в Античных государствах до оформления в особый вид корпоративных объединений в Средние века, прошли путь от договоров простого товарищества и квази-коллегиальных объединений до корпоративных юридических лиц и мощных корпоративных компаний. Важнейшим фактором развития корпораций в любую историческую эпоху становился принцип взаимной заинтересованности членов корпорации друг в друге как в осуществлении ими общей трудовой деятельности, так и в совместном извлечении прибыли из складочного капитала. Кроме коммерческих целей извлечения прибыли и распределения ее между вкладчиками имели место, а иногда и преобладали, некоммерческие интересы, как, например, сословно-правовая регламентация производственной, общественной и личной жизни их членов, поддержание сословных традиций, охрана сословных прав и привилегий.

Вследствие комбинирования различных форм предпринимательских, профессиональных и сословных союзов в рамках корпораций возникали более сложные и замысловатые формы корпоративных объединений. Между участниками корпораций друг с другом, с одной стороны, и между членами корпорации и корпорацией, с другой, складывались правовые отношения, которые во многом определялись характером организационно-правовых форм таких юридических лиц.

Государство, как показывает историко-правовой анализ, активно использовало корпоративную форму коммерческого и некоммерческого объединения людей для достижения своих социально-экономических и политических интересов.

Список литературы

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 144.
2. Гуцин В.В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право: учебник для юрид. вузов. М.: ЭКСМО, 2006. 458 с.
3. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. С. 367.
4. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 45.
5. Корягина А.В. История развития понятия доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право, 2012, № 4.
6. Костомаров В. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. СПб., 1862.

7. Магданов П.В. История возникновения корпораций до начала XX в. //ArsAdministrandi. – 2012. – № 4. – С. 24-30.
8. Писемский П.А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., 1876. С. 8.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 145.
10. Римское частное право: Учебник/ В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004. С. 118.
11. Розенберг В. Товарищество с ограниченной ответственностью (о необходимости введения этой формы в России). СПб.: Типография Редакции период. изданий Мин-ва финансов, 1912. С. 51.
12. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 48.
13. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 84.
14. Truitt W.B. The Corporation. Greenwood Press, 2006.
15. Wood W.A. Modern Business Corporations. The Organization and Management of Private Corporations. Indianapolis, The Bobbs-Merrill Company, 1906.

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CORPORATIONS ABROAD
(ANCIENT ROME, MEDIEVAL EUROPE)

Kolontaevskaya I.F.,

*Doctor of Pedagogical, Candidate of Legal Sciences,
Professor, head. Chair of Civil Law and Process,
Moscow Witte University,
<https://www.muiiv.ru>*

The article considers the reasons and conditions for the emergence of the corporations in Europe in the ancient period of development of the state (Ancient Rome) in the Middle ages. Justify the characteristics of corporations, analyzes the characteristics of corporations in a particular historical period.

Keywords: corporate associations, corporation, legal entity, professional interests, agreement on ordinary partnership, commercial objectives, the desire for class unity

ФУНКЦИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Земцова Ольга Сергеевна,

канд. юрид. наук

доцент кафедры гражданского права и процесса

e-mail: o.s.zemtsova@gmail.com,

филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Рязани,

<https://www.muiiv.ru/ryazan>

В статье рассматриваются функции семейно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности.

Ключевые слова: семейное право, ответственность, семейно-правовая ответственность, юридическая ответственность

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-20-25

Для уяснения правовой природы, содержания, назначения и механизма действия семейно-правовой ответственности важно определить её функции. Данный вопрос, имеющий важное значение недостаточно глубоко освящен в современной науке семейного права. При этом в теории права также отсутствует единство в определении функций юридической ответственности. По мнению М.П. Трофимовой, «функции юридической ответственности – это основные направления воздействия норм юридической ответственности на общественные отношения, через которые достигаются её цели и проявляется назначение» [1]. В свою очередь, А.А. Анферов отмечает, что «функция юридической ответственности может быть представлена как снабженная штрафными санкциями, осуществляемая в рамках регулятивных и охранительных правоотношений категория юридической науки»[2].

Исходя из определений, имеющихся в литературе, можно сделать вывод, что функции юридической ответственности не сводятся только к регулированию общественных отношений; в них проявляется её сущность, раскрывается назначение и содержание. Эти же характеристики свойственны и функциям семейно-правовой ответственности.

Между тем, в общей теории права неоднозначно решается вопрос о классификации функций юридической ответственности. Одни авторы подразделяют функции юридической ответственности на карательную (штрафную) и правосознательную (восстановительно-компенсационную)[3]; другие – превентивную (предупредительно-воспитательную), репрессивную (карательную), компенсационную (восстановительную) и сигнализирующую[4]; третьи – защиту правопорядка, штрафную и карательную функции (наказание виновного), функцию исправления и перевоспитания лица, совершившего правонарушение (частная и общая превенция правонарушений). Таким образом, взгляды авторов на вопрос о систематизации функций юридической ответственности далеко не всегда совпадают.

Не отличается единообразием и классификация функций семейно-правовой ответственности. Так, Л.Е. Чичерова выделяет четыре функции: превентивную (предупредительно-воспитательную), восстановительную (компенсационную), карательную и стимулирующую [5], а С.А. Сидорова отмечает наличие у семейно-правовой ответственности карательной, превентивной, компенсационной и стимулирующей функции [6]. Между тем, И.Н. Гливинская считает, что основными функциями юридической ответственности в семейном праве являются только карательная и восстановительная, которые взаимодействуют одновременно[7].

В общей теории права наиболее разработанной и обоснованной представляется позиция Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского. Авторы проанализировали значительный массив источников, дали им верную критическую оценку, что позволило аргументировано доказать, что «всем видам юридической ответственности присущи карательная, воспитательная, предупредительная, регулятивная и восстановительная функции, при этом у различных видов они могут проявляться по-разному»[8]. Разделяя указанное мнение, попытаемся, в свою очередь, доказать, что семейно-правовая ответственность действительно выполняет 1) карательную, 2) воспитательную, 3) предупредительную, 4) регулятивную и 5) восстановительную функции.

В иерархии функций особое место занимает регулятивная функция, поскольку она призвана не допустить возникновения семейных правонарушений, тем самым формируя правомерное поведение их деликтоспособных субъектов. Например, с одной стороны, родители имеют право выбора образовательного учреждения и формы получения образования детьми, с другой – родители обязаны обеспечить получение детьми основного общего образования и создать условия для получения ими среднего (полного) общего образования. Таким образом, реализуется ответственность субъектов семейных правоотношений к требованиям правовых норм. Если родители нарушают без уважительных причин указанное право ребенка, то имеются основания для привлечения их к семейно-правовой ответственности. Так, Решением Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 21 февраля 2005 года, оставленным без изменения определением кассационной инстанции, был удовлетворен иск мэрии г. Архангельска о лишении гражданки Е.Н. Бородий родительских прав в отношении ее сына 1990 года рождения. Суд сослался на то, что ответчица препятствует обучению ребенка в классе, соответствующем его уровню, и возражает против получения им впоследствии основного общего образования [9].

Объектом воздействия регулятивной функции семейно-правовой ответственности являются отношения, обозначенные в ст. 2 СК РФ. Регулятивная функция семейно-правовой ответственности реализуется, в частности, в закреплении прав и обязанностей родителей по воспитанию и образованию детей (ст. 63 СК РФ), осуществлению родительских прав (ст. 65 СК РФ); оснований и последствий лишения родительских прав (ст.ст. 69, 70 СК РФ) и их ограничения (ст.ст. 73, 74 СК РФ), поэтому регламентация семейно-правовой ответственности начинается не столько с определения условий её возникновения, сколько с установления общих обязанностей надлежащего поведения и общих запретов. Так, в абз 2 п. 1 ст. 7 СК РФ законодатель закрепил общий запрет для всех участников семейных правоотношений: «осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан». Следовательно, результат воздействия регулятивной функции семейно-правовой ответственности должен заключаться в сформированном правовом поведении участников семейных правоотношений, прежде всего родителей и усыновителей.

От регулятивной функции необходимо отличать тесно с нею связанную превентивную функцию семейно-правовой ответственности. Если первая реализуется преимущественно путем установления семейных обязанностей и запретов, то превентивная функция осуществляется как путем установления обязанностей и запретов для участников семейных правоотношений, так и посредством установления составов семейных правонарушений и оказания психологического воздействия на субъекта угрозой применения семейно-правовой санкции. Название превентивной функции указывает, что её основная цель – предупреждение семейных правонарушений. При этом она складывается из общей и частной превенции: первая направлена на формирование и обеспечение правомерного поведения лиц, ранее не совершавших семейные правонарушения, вторая – лиц, совершивших семейные правонарушения. Между тем, общая превенция проявляется в самом факте установления семейно-правовой ответственности, поскольку первоначально субъект семейных правоотношений усваивает правило поведения, а затем вырабатывает то или иное психическое к нему отношение, которое выражается в его конкретных действиях или бездействиях.

Специфическими способами превентивной функции являются: установление обязанностей и запретов; общественное, государственное осуждение, неотвратимость применения наказания к лицам, совершившим семейное правонарушение. Анализ семейного законодательства показывает наличие у семейно-правовой ответственности частнопревентивного правового воздействия.

Например, в соответствии со ст. 72 СК РФ родители (один из них) могут быть восстановлены в родительских правах в случаях, если они изменили поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка. При этом указанные условия являются взаимосвязанными, например, недостаточно родителю только изменить отношение к ребенку, не меняя при этом образ жизни. Так, Климова О.А. обратилась в Железнодорожный районный суд г. Рязани с иском о восстановлении в родительских правах в интересах своих несовершеннолетних детей: Дмитрия (6 лет) и Светланы (2 года), на том основании, что после лишения родительских прав Климова О.А. изменила свое поведение, устроилась на два места работы, перестала злоупотреблять спиртными напитками, сделала ремонт в комнате после пожара, создала все условия для нормального проживания своих детей, ежемесячно уплачивает алименты на детей в размере 33 % от заработной платы, посещает детей, находящихся в детских государствен-

ных учреждениях, привозит им гостинцы, интересуется их здоровьем. На основании изложенного суд правомерно пришел к выводу, что Климцова О.А. изменила свое поведение, образ жизни и отношение к воспитанию детей и может быть восстановлена в родительских правах в отношении своих детей [10].

В рассмотренном примере отчетливо просматривается частнопревентивное воздействие семейно-правовой ответственности, поэтому высказанное некоторыми авторами суждение о наличии у семейно-правовой ответственности особой стимулирующей функции не бесспорно [11]. Остается неясным, что отличает стимулирующую функцию от превентивной. На наш взгляд, содержание стимулирующей функции практически совпадает с частной превенцией.

Если субъект семейно-правовой ответственности не исполняет добросовестно возложенных на него обязанностей, например, по воспитанию ребенка, то возможна реализация карательной функции семейно-правовой ответственности. Карательное воздействие состоит в осуждении, лишении или ограничении прав и свобод правонарушителя, к существенному сужению его правового статуса. При этом осуждение всегда содержит элемент кары, негативным образом воздействует на психику правонарушителя. Кроме того, карательная функция семейно-правовой ответственности несет в себе порицание виновного, выражением которого является решение суда. Порицание виновного может приводить к нравственным страданиям правонарушителя, а может и не повлечь таких последствий, поскольку это зависит от личного восприятия конкретного лица.

Например, если один из родителей лишается родительских прав, то разлука с ребенком, неучастие в его воспитание может привести к нравственным страданиям для родителя, в результате чего он может изменить свое поведение как к ребенку, так и к своему образу жизни. К сожалению, нередки случаи, когда на практике родитель, лишенный родительских прав в отношении одного ребенка, впоследствии лишается этих прав и в отношении другого. В этом случае лицо не воспринимает лишение родительских прав как порицание, которое ведет к отрицательным последствиям для него.

Наиболее ярко карательное воздействие семейно-правовой ответственности проявляется в лишении родительских прав, ограничении родительских прав при виновном поведении родителя, отмене усыновления при виновном поведении усыновителя, в отстранении от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на него законом обязанностей.

Одновременно с карательной функцией семейно-правовой ответственности реализуется её восстановительная функция, специфика которой заключается в том, что она связана не с компенсацией материального ущерба или морального вреда, как в гражданском праве, а принятии мер, направленных на восстановление нарушенных общественных отношений, прав и интересов, прежде всего, ребенка. Следует согласиться с Л.Е. Чичеровой о том, что восстановительная функция семейно-правовой ответственности проявляется, прежде всего, при восстановлении личного права (личной сферы) участников семейных правоотношений [12]. Так, одним из оснований отмены усыновления согласно п. 1 ст. 141 СК РФ является злоупотребление усыновителем родительскими правами, например, приобщение ребенка к наркотикам, принуждение его работать, вовлечение в преступную деятельность. Таким образом, когда сложившиеся в результате усыновления условия жизни и воспитания ребенка не соответствуют его интересам, усыновление перестает выполнять свои функции. При отмене усыновления будут восстановлены права и интересы ребенка, защищено его достоинство.

В свою очередь, усыновитель лишается родительских прав в отношении ребенка, так и возможности в будущем быть усыновителем, опекуном (попечителем). Данная мера может иметь более сильное воздействие для правонарушителя, если, например, по медицинских показаниям лицо не может иметь детей. Тем самым, применение отмены усыновления в случае виновного поведения родителя лишает его в дальнейшем возможности иметь права и обязанности родителя, которые по общепризнанному мнению принадлежат к числу естественных и наиболее важных личных прав каждого человека.

Необходимо отличать восстановительную функцию семейно-правовой ответственности от восстановительных функций мер защиты. Первая осуществляется одновременно с карательной функцией, тогда как меры защиты в семейном праве её лишены. Например, Васяев Ю.М. в связи с тяжелым состоянием здоровья был ограничен в отношении несовершеннолетней дочери Юлии (13 лет) в родительских правах. Судом бесспорно установлено, что Васяев Ю.М. не страдает алкогольной и наркотической зависимостью, психическим расстройством, не судим, проживает один, является инвалидом 2 группы и

по независящим от него обстоятельствам не может заниматься воспитанием дочери [13]. В рассмотренном примере ограничение родительских прав является мерой защиты, а не мерой семейно-правовой ответственности, хотя и выполняет восстановительную функцию.

Кроме того, семейно-правовая ответственность выполняет и воспитательную функцию, объектом воздействия которой являются ценностные ориентации, правосознание и мотивационная сфера. Семейное право в целом, а институт семейно-правовой ответственности, в частности, основан и приникнут нравственными предписаниями, и при решении семейно-правовых споров в качестве ориентира всегда выступают нормы морали. Например, закрепленный в ст. 69 СК РФ перечень оснований лишения родительских прав является перечнем аморальных поступков по отношению к ребенку. А.М. Нечаева отмечает, что этого перечня «могло бы и не быть, поскольку речь идет напрямую о посприии моральных норм»¹. При условии изменения своих моральных установок, лицо своими действиями может изменить свое поведение, предъявив иск о восстановлении в родительских правах, тем самым проявляет воспитательная функция семейно-правовой ответственности.

Таким образом, воспитательная функция призвана сформировать добросовестное отношение к правам и интересам ребенка, обязанностям родителей, усыновителей и опекунов, которое должно основываться на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех её членов. Воспитательная функция семейно-правовой ответственности должным образом осуществляется при условии эффективной реализации карательной, регулятивной, восстановительной и превентивной функций семейно-правовой ответственности.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы: во-первых, правовая природа и содержание семейно-правовой ответственности раскрываются через её функции являющиеся фундаментом для формирования семейно-правовой ответственности как важного института семейного права; во-вторых, к функциям семейно-правовой ответственности относятся: регулятивная, превентивная, карательная, восстановительная и воспитательная.

Список литературы

1. Трофимова М.П. Функции юридической ответственности. Тольятти, 1999. С. 14.
2. Анферов А.А. Права личности и юридическая ответственность (теоретические вопросы единства и взаимосвязи). Волгоград, 2000. С. 128.
3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 155; Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 58.
4. Малешин И.Н. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 145.
5. Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: Монография. – Рязань, 2005. С. 36.
6. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой ответственности и семейно-правовой ответственности в семейном праве: Дисс... к.ю.н. Волгоград, 2007. С. 31-36.
7. Гливинская И.Н. Особенности функций юридической ответственности в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 31-33.
8. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. – СПб., 2007. С. 416.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. N 476-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бородий Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетнего сына положениями статей 69 и 71 Семейного кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2007. № 4.
10. Решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 28 мая 2010 г. // Архив Железнодорожного районного суда г. Рязани.
11. Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: Монография. – Рязань, 2005. С. 36. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой ответственности и семейно-правовой ответственности в семейном праве: Дисс... к.ю.н. Волгоград, 2007. С. 36.

¹ Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 63.

12. Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: Монография. – Рязань, 2005. С. 39.

13. Решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 26 января 2010 г. // Архив Железнодорожного районного суда г. Рязани.

FAMILY-LEGAL RESPONSIBILITY FUNCTIONS

Zemtsova O.S.,

candidate of juridical sciences,

the docent of the department of civil law and process,

e-mail: o.s.zemtsova@gmail.com,

the branch of Moscow University S.Y. Witt in Ryazan

<https://www.muiv.ru/ryazan>

The article: In the article the functions of family- lawful responsibility as the independent form of juridical responsibility are considered.

Keywords: family right, responsibility, family- lawful responsibility, juridical responsibility

УДК 347.62

ПРИЗНАНИЕ БРАКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ: НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Михайлова Ирина Александровна,

*д-р юрид. наук, профессор
зав. кафедрой гражданского права и процесса,
филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани,*

Романова Ирина Николаевна,

*канд. юрид. наук, декан юридического факультета,
филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани,
<https://www.muiiv.ru/ryazan>*

в статье исследуются основания признания брака недействительным; анализируются научные точки зрения и судебная практика по исследуемой проблематике; формулируются предложения по совершенствованию семейного законодательства.

Ключевые слова: недействительность брака, юридические основания, исковая давность, гражданский брак, фиктивный брак

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-25-31

Признание брака недействительным существенно отличается от расторжения брака. Супружеские отношения прекращаются и в том, и в другом случае, как и при смерти одного из супругов, но если с разводом правоотношения лиц, состоявших в брачном союзе, прекращаются на будущее время, то брак, признанный недействительным, считается не существовавшим с момента его заключения, поэтому признание брака недействительным нередко называют «аннулированием брака и всех его правовых последствий»[1].

Основанием признания брака недействительным служит нарушение условий и препятствий, установленных ст. 12 -14 и п.3 ст. 15 СК РФ. Это означает, что признаются недействительными браки, заключенные:

- при отсутствии взаимного добровольного согласия мужчины и женщины на вступление в брак;
- при недостижении вступившими в брак лицами (или одним из них) брачного возраста, если он не был снижен в установленном порядке;
- при наличии у вступивших в брак лиц (или у одного из них) другого нерасторгнутого брака;
- между близкими родственниками, названными в ст. 14 СК РФ;
- между усыновителями и усыновленными;
- между лицами, из которых хотя бы одно было признано судом недееспособным вследствие психического расстройства;
- при сокрытии одним из лиц, вступающих в брак, наличия у него ВИЧ-инфекции или венерической болезни.

Кроме того, могут быть признаны недействительными так называемые фиктивные браки, то есть браки, зарегистрированные без намерения создать семью (п.1 ст. 27).

Как видим, в действующем законодательстве установлен довольно обширный перечень оснований, дающих право требовать заинтересованному лицу признать брак недействительным. Этот перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Брак может быть признан недействительным также, если будет установлено, что на момент его регистрации лицо, хотя и не было признано недееспособным, но не понимало значение своих действий и не было способно ими руководить, а поэтому не могло выразить осознанной воли на вступление в брак. Так, К. вступила в брак с А. – 76-летним тяжелобольным пенсионером, инвалидом первой группы и прописалась на его жилплощадь. В ходе судебного разбирательства было установлено, что А. в период регистрации брака находился в таком состоянии, при котором не мог осознавать ни своих действий, ни их последствий. По иску прокурора суд признал брак недействительным и актовую запись о

его регистрации аннулировал. Впоследствии К. была выселена в судебном порядке из квартиры А. без предоставления жилой площади[5].

Для признания брака недействительным достаточно одного из названных оснований, хотя встречаются ситуации, когда таких оснований два или даже больше. Например, лицо, состоящее в не расторгнутом браке, предъявив новый паспорт, не имеющий отметки о данном браке, заключает второй брак с несовершеннолетней, не получившей разрешение в установленном порядке, или брак был заключен с гражданином, ранее признанном недееспособным, с лицом, состоящим с ним в запрещенной степени родства, и т.д., но на практике такие ситуации встречаются довольно редко, и требования о признании брака недействительным предъявляются в суд только по одному из оснований, предусмотренных законом.

При принятии искового заявления о признании брака недействительным судья должен выяснить два основных вопроса: во-первых, по какому конкретно основанию оспаривается действительность брака (п.1 ст. 27 СК РФ) и, во-вторых, относится ли истец к категории лиц, которые вправе обращаться в суд с таким требованием. Перечень этих лиц с указанием конкретной категории требований о признании брака недействительным закреплен в п.1 ст. 28 СК РФ. К ним относятся:

- несовершеннолетний супруг, его родители или заменяющие их лица, орган опеки и попечительства или прокурор, если брак был заключен с лицом, не достигшим совершеннолетия, при отсутствии соответствующего разрешения. Однако после достижения совершеннолетия требовать признания брака недействительным может только этот супруг;

- супруг, права которого нарушены заключением брака, а также прокурор, если брак был заключен при отсутствии добровольного согласия одного из супругов в результате обмана, принуждения, заблуждения или невозможности в силу своего состояния в момент регистрации брака понимать значение своих действий и руководить ими;

- супруг, не знавший о наличии обстоятельств, препятствующих заключению брака, опекун супруга, признанного недееспособным, супруг по не расторгнутому браку, другие лица, права которых были нарушены заключением данного брака, а также орган опеки и попечительства и прокурор;

- прокурор, а также не знавший о фиктивности брака супруг в случае заключения фиктивного брака;

- супруг, не проинформированный о наличии у другого супруга венерической болезни ВИЧ-инфекции (п.3 ст.15).

Если заявитель к таким лицам не относится, судья отказывает ему в принятии искового заявления на основании п.1 ч.1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [3]. Важно отметить, что супруг, виновный в том, что брак был заключен с нарушением предусмотренных законом условий и препятствий (так называемый «порочный» брак), не вправе обратиться в суд с требованием о признании его недействительным.

По делам о признании брака недействительным суд обязан известить о времени и месте рассмотрения дела не только истца, но и ответчика (ст. 133 ГПК РФ). Кроме того, закон устанавливает обязательное участие органов опеки и попечительства при рассмотрении и разрешении дел о признании недействительным брака, заключенного с лицом, не достигшим брачного возраста, или с лицом, признанным недееспособным (п.2 ст. 28 СК РФ). Участие в судебном заседании представителей названных органов существенно повышает гарантии обеспечения, охраны и защиты несовершеннолетних или недееспособных лиц.

Граждане, чьи интересы непосредственно не затрагиваются заключением брака, при котором были допущены нарушения действующего семейного законодательства, не вправе самостоятельно предъявить в суд иск о признании такого брака недействительным, но они могут ходатайствовать о возбуждении дела перед прокурором, который наделен законом соответствующими полномочиями. Так, например, прокурор в интересах И. обратился в суд к иском к С. о признании брака недействительным, указав, что заключенный между К. – отцом И. и С. брак является фиктивным, поскольку он был заключен без намерения создать семью. Н. и С. никогда вместе не проживали, а Н. страдал заболеваниями, которые лишали его возможности понимать значение своих действий и руководить ими.

Определением суда первой инстанции прокурору было отказано в принятии заявления на том основании, что в соответствии с п.1 ст. 28 СК РФ требование о признании брака недействительным

может быть заявлено супругом или прокурором в интересах этого супруга. И. является дочерью Н. и не относится к числу лиц, которые могут подать заявление о признании брака недействительным. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила названное определение, указав следующее: «Основополагающим принципом семейного права является принцип добровольности брачного союза. В случае несоблюдения указанного принципа прокурор обладает самостоятельным правом обратиться с требованием о признании брака недействительным по основанию отсутствия добровольного согласия одного из супругов на заключение брака, поэтому тот факт, что в данном случае прокурор предъявил заявление в интересах И., которая является дочерью Н., не является препятствием к возбуждению и рассмотрению данного гражданского дела» [6].

На требование о признании брака недействительным исковая давность не распространяется (п. 1 ст. 9 СК РФ). Исключение составляет только требование о признании брака недействительным в связи с тем, что один из супругов скрыл от другого наличие у него венерической болезни или ВИЧ-инфекции. В этом случае срок исковой давности составляет один год с того момента, когда другой супруг узнал или должен был узнать о сокрытии от него названных заболеваний при заключении брака (ст. 181 ГК РФ).

Относительно данного основания признания брака недействительным следует указать, что потенциальную опасность для здоровья другого супруга и рожденных в браке детей могут представлять не только названные в ст. 15 СК РФ венерические заболевания и ВИЧ-инфекция, но и другие болезни и состояния. В 2004 г. правительство России утвердило Перечень социально значимых заболеваний и Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих (далее – Перечень) [4]. Высокая опасность указанных в Перечне заболеваний обусловлена их отрицательным влиянием на организм человека, в том числе на его сексуальное и репродуктивное здоровье. В Перечень включены не только заболевания, встречающиеся довольно редко (лепра, малярия, вирусная лихорадка, холера и чума), но и заболевания, масштабы распространенности которых представляют реальную опасность для здоровья граждан. Помимо названных в ст. 15 СК РФ ВИЧ – инфекции и венерических заболеваний, к социально значимым и опасным заболеваниям отнесены туберкулез, злокачественные новообразования, вирусный гепатит, психические расстройства и расстройства поведения.

Высокая потенциальная опасность названных заболеваний рассматривается в науке как основание предложить в СК РФ дополнения, устанавливающие, что сокрытие лицом, страдающим названными заболеваниями, информации о них от другого лица, дает другому супругу право обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным. Весьма удачная формулировка такого предложения была разработана С.А. Сидоровой: «Соккрытие болезни, опасной для другого супруга и их потомков, а также сокрытие тяжелого заболевания является основанием для признания брака недействительным по требованию другого супруга» [7].

На практике наиболее сложным является другая категория дел о признании брака недействительным. Это требования, основанные на фиктивности брака, которое имеет достаточно широкое распространение. Речь идет о ситуациях, когда один из будущих супругов (реже – оба) заключает брак не с целью создания семьи, построения длительных и прочных супружеских отношений, рождения и воспитания детей, а для достижения некоей иной цели – получения российского гражданства, регистрации по месту жительства другого супруга, приобретение права собственности на его доходы и т.д... Важно подчеркнуть, что если супруг, преследуя названную или иную подобную цель (например, завладеть имуществом, принадлежащим другому супругу, войти в круг его влиятельных родных, добиться высокого уровня материального обеспечения или назначения на высокую должность и т.д.), тем не менее, намеревается создать семью, поддерживать супружеские отношения, брак не может быть признан недействительным. В данном случае имеет место ситуация, получившая на бытовом уровне название «Брак по расчету», и мотивы, которыми руководствовался один из супругов при заключении такого брака, юридически толерантны.

Иначе обстоит дело в случае, если речь идет о заключении фиктивного брака, т.е. брака без намерения создания семьи. Его внешними признаками могут служить отсутствие совместного проживания (которое, впрочем, не является обязательным по действующему законодательству), супружеской близости, заботы друг о друге, иных обстоятельств, которые характерны для семейных отношений. Задачей суда по таким делам является установление весьма сложного, субъективного момента: намеревался ли

ответчик при заключении брака создать семью с истцом или такое намерение у него отсутствовало, что и послужило основанием для предъявления иска о признании брака недействительным. Если судом будут установлены именно такие обстоятельства, то есть фиктивность брака, признание такого брака недействительным следует рассматривать как одну из специфических семейно-правовых санкций, применяемой к недобросовестному супругу. Такой же санкцией является признание брака недействительным, применяемое к супругу, виновному в сокрытии обстоятельств, препятствующих в силу закона вступлению в брак, либо супругу, по вине которого брак был заключен под влиянием принуждения, обмана, угрозы (ст. 27 СК РФ). В таких случаях признание брака недействительным выступает как мера защиты конституционного права на защиту семьи, материнства и детства (ст. 38 Конституции России).

При этом суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие такой брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью п.3 ст. 29 СК РФ).

В судебной практике по делам данной категории ответчики нередко заявляют требование о признании за ними права пользования жилым помещением, принадлежащим другому супругу, в которое они вселились после заключения брака, а иногда и вселили своих несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей. В этом плане показательным является следующее дело. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда было оставлено без изменения решение Чертановского районного суда г. Москвы. Этим решением было отказано Б. А. в удовлетворении иска о признании за ним и за его несовершеннолетней дочерью права на жилое помещение, поскольку брак между истцом – Б.А. и его бывшей супругой – Б. Е. ранее был признан недействительным. Суд, оценив все юридически значимые обстоятельства дела, пришел к выводу о том, что Б.А. не приобрел права на вселение в спорное жилое помещение членов своей семьи. В свою очередь, Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда указала, что признание брака недействительным не порождает прав и обязанностей супругов, в том числе и права пользоваться жилой площадью супруга при регистрации его на данную жилую площадь после заключения брака[2].

Действительно, жизненные обстоятельства, характеризующие конкретный брак, заключенный с нарушением тех или иных требований закона, могут измениться, в связи с чем законодатель в ст. 29 СК РФ устанавливает перечень оснований, устранивающих недействительность брака. К ним (помимо фактического создания семьи) относятся:

- устранение обстоятельств, препятствующих в силу закона заключению брака (расторжение прежнего брака, отмена усыновления, отмена решения суда о признании лица недееспособным);
- необходимость соблюдения интересов несовершеннолетнего супруга, а также отсутствие его согласия на признание брака недействительным.

Таким образом, брак, заключенный с теми или иными нарушениями семейного законодательства, может быть признан действительным, если к моменту рассмотрения дела о признании брака недействительным отпали обстоятельства, которые в силу закона препятствовали его заключению. В таких случаях суд должен в иске о признании брака недействительным отказать. Если же обстоятельства, послужившие основанием для предъявления соответствующего искового требования, будут подтверждены в судебном заседании, суд должен будет признать брак недействительным. В случае удовлетворения иска о признании брака недействительным суд обязан в течение трех дней со дня вступления в законную силу вынесенного судебного решения направить выписку из него в орган ЗАГС по месту государственной регистрации заключения брака. При этом брак признается недействительным со дня его заключения (п.3-4 ст. 27 СК РФ). Последствия признания брака недействительным предусмотрены ст. 30 СК РФ: граждане, состоявшие в браке, признанном судом недействительным, не приобретают прав и обязанностей супругов, предусмотренных нормами семейного законодательства, за исключением случаев, предусмотренных п.п. 4 и 5 ст. 30 СК РФ. С признанием брака недействительным супруг утрачивает право носить фамилию другого супруга, принятую им при регистрации брака. Брачный договор, заключенный супругами, признается недействительным. На имущество, приобретенное в недействительном браке, не распространяется режим общей совместной собственности супругов. Споры по поводу имущества, приобретенного лицами, состоявшими в браке, признанном недействительным, подлежат разрешению в соответствии с нормами ГК РФ, определяющими правовой режим имущества, находящегося в общей долевой собственности (п.2, 3 ст. 244, ст. 245-252 ГК РФ). Однако признание

брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке или в течение трехсот дней с момента признания его недействительным.

Последствия признания брака недействительным различаются в зависимости от того, виновно или добросовестно действовали при заключении брака вступившие в него лица. Ст. 30 СК РФ считает добросовестным того супруга, чьи права были нарушены заключением брака, и признает за таким супругом право на получение от другого (виновного) супруга содержания в соответствии со ст. ст. 90-91 СК РФ. В отношении раздела имущества, приобретенного до признания брака недействительным, суд вправе применить положения о разделе имущества, предусмотренные ст. ст. 34, 38 и 39 СК РФ.

Кроме того, добросовестный супруг вправе требовать в судебном порядке возмещения имущественного и морального вреда, причиненного ему недобросовестным супругом, виновным в заключении брака, признанного недействительным, и сохранить фамилию, избранную при заключении брака.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы.

Признание брака недействительным существенно отличается от расторжения брака. Во-первых, недействительным признается брак, заключенный с нарушением установленных в законе условий, а потому не порождающий никаких правовых отношений, а расторгается, напротив, действительный брак, и порожденные им правовые отношения прекращаются только на будущее время. Во-вторых, признание брака недействительным возможно только в судебном порядке, а расторжение брака производится как в органах ЗАГС, так и в суде. В-третьих, по-разному определяется и круг лиц, имеющих право обратиться с иском о расторжении брака и о признании его недействительным: брак расторгается по иску супругов или одного из них, а в необходимых случаях иск о расторжении брака может быть предъявлен опекуном или прокурором. Признания брака недействительным могут требовать лица, перечень которых предусмотрен законом применительно к каждому из оснований признания брака недействительным. И, наконец, брак расторгается тогда, когда сохранение семьи было признано невозможным, а недействительным может быть признан и брак, характеризующийся наличием прочных супружеских взаимоотношений (например, если супругами было нарушено условие о единобрачии).

С целью совершенствования семейного законодательства представляется целесообразным присоединиться к ученым, предлагающим дополнить перечень оснований для признания брака недействительным указанием на сокрытие не только венерического заболевания или ВИЧ-инфекции, но и другого тяжелого заболевания, представляющего потенциальную опасность для здоровья другого супруга или их детей, внеся соответствующее дополнение в п.3 ст. 15 СК РФ.

Список литературы

1. Антокольская, М.В. Семейное право : учебник . 3-е изд., перераб. и доп. / М.В. Антокольская. М. : Норма: Инфра М, 2010. С.137.
2. Архив Московского городского суда. Дело № 33-33722/10 / Цит. по кн.: Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Настольная книга судьи по семейным делам : учебно- практическое пособие. М.: Проспект, 2013. С. 75-76.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 23 октября 2002 г.: по состоянию на 1 января 2017 г.] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: [постановление правительства РФ от 1 декабря 2004 г. №715] // Российская газета. № 3648 от 7 декабря 2004 г.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 5-КГ15-47 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. №2. С. 36-38.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 4-КГ14-20// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7. С.9-11.
7. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве : автореф. дис... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2007. С. 16.

MARRIAGE RECOGNITION: CERTAIN ACTUAL QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Mikhailova I.A.,

*Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law and Process,
Ryazan branch of Moscow University named after S.Yu. Witte,*

Romanova I.N.,

*Candidate of Law,
Dean of the Faculty of Law,
Ryazan branch of the Moscow University named after S.Yu. Witte
<https://www.muiv.ru/ryazan>*

The article: in the article the grounds of recognition of marriage are invalid; The scientific points of view and jurisprudence on the problems under study are analyzed; Proposals are being formulated to improve family legislation.

Keywords: invalidity of marriage; Legal grounds; limitation of actions; civil marriage; fictitious marriage

УДК 340

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ОКАЗАНИИ ТРАНСПЛАНТАЦИОННЫХ УСЛУГ

Соцкова Наталия Ивановна,

ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса

e-mail: nsotskova@muiv.ru,

филиал Московского университета имени С.Ю. Витте в г. Рязани

<https://www.muiv.ru/ryazan>

В статье исследуются юридические предпосылки привлечения к договорной и внедоговорной ответственности субъектов-участников обязательств, возникающих из договора, направленного на возмездное оказание услуг по трансплантации органов и тканей человека.

Ключевые слова: трансплантационные услуги, договорная ответственность, внедоговорная ответственность, причинение вреда, жизнь и здоровье гражданина, медицинская помощь, врачебная ошибка, причинно-следственная связь

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-31-37

Основной юридической ответственности за нарушения в сфере оказания трансплантационных услуг выступает именно гражданско-правовая ответственность, что обусловлено спецификой ее функций. Так, С.Н. Братусь отмечает: «основная равнодействующая тенденция гражданско-правовой ответственности вытекает из компенсационной, восстановительной функции гражданского права... его цель... обеспечить потерпевшей стороне ее восстановление (в имущественном и в личном отношениях) в первоначальное состояние». Таким образом, в отличие от уголовной и административной ответственности, в содержании ответственности гражданско-правовой значительная роль принадлежит правостановительной (компенсационной) функции, которая призвана обеспечить возмещение причиненного вреда с правонарушителя, чтобы компенсировать потерпевшей стороне потери, восстановить ее имущественные права.

В прямой зависимости от основания возникновения юридической ответственности выделяют: «договорную» – ответственность за нарушение обязательств, возникших из договоров и иных сделок, а также «внедоговорную» – основания наступления которой предусмотрены законом. При этом к внедоговорной ответственности относятся обязательства, возникающие в силу причинения вреда другому лицу.

Договорная ответственность возникает в качестве реакции на нарушение договорных обязательств, в частности обязательств, вытекающих из односторонних сделок, договоров и иных соглашений. Охранительные отношения в указанной сфере относятся к акцессорным, т.е. дополнительным, подчиненным общей цели защиты прав и интересов кредитора в основном договорном обязательстве [10].

Деликтная (внедоговорная) ответственность – это, предусмотренные законом, последствия нарушения субъективных прав, не связанных с договорами, либо выходящие за пределы существующих договорных отношений субъектов. Опосредующие данную реакцию охранительные отношения именуются деликтными. В качестве оснований их возникновения выступают деликты и иные правонарушения, не связанные с обязательствами договорными. Они имеют относительно самостоятельный характер, их базой их нормативного регулирования служат нормы о возмещении вреда.

В правовой литературе встречаются упоминания о недопустимости конкуренции исковых требований о применении деликтной и договорной ответственности, так как существование договорных отношений между сторонами всегда исключает возможность удовлетворения требования о применении ответственности деликтной. В указанном случае может заявляться лишь иск об ответственности за нарушение договорного обязательства. Однако к отношениям по оказанию трансплантационных услуг данное заключение не может быть применимо в полной мере. Для подобного вывода существует несколько причин [2].

Во-первых, в соответствии с пунктом 1 статьи 1095 ГК РФ вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет [7].

В данном аспекте представляет интерес позиция А.П. Сергеева, который, исследуя положения указанной статьи, заключает, что в данном случае конкуренция между договорным и внедоговорными исками в ГК РФ не допускается. Подтверждение своей позиции автор демонстрирует на примере договора купли-продажи: Так, при продаже товара несоответствующего качества у покупателя возникает несколько прав, к числу которых относится и возможность требовать от продавца возмещения причиненных убытков. Указанное право носит договорный характер и осуществляется в рамках договора купли-продажи. Но когда в силу присутствия в купленном товаре недостатков причиняется вред имуществу, здоровью или жизни покупателя, отношения между сторонами, возникающие по поводу возмещения причиненного вреда, квалифицируются как внедоговорные».

Справедливость приведенного примера в отношении оказания трансплантационных услуг сомнительна. Объектом воздействия по такому договору выступает тело человека и его здоровье, поэтому оказание услуги ненадлежащего качества зачастую выражается в причинении вреда жизни и здоровью пациента. В данной связи становится практически невозможным отграничить требования, вытекающие из недостатков трансплантационной услуги, от требования о возмещении вреда. Таким образом, целесообразно заключить, что при причинении вреда жизни или здоровью гражданина вследствие оказания трансплантационных услуг возникает деликтное обязательство.

Вместе с тем в случае, когда нарушение договорных обязательств не выразилось в причинении ущерба здоровью пациента, а, к примеру, коснулось его имущественной сферы, подобное разграничение весьма допустимо. Например, если пациенту в нарушение условий договора не предоставлены необходимые лекарственные средства и он вынужден приобрести их за свой счет, появляются все необходимые предпосылки наступления договорной ответственности исполнителя. То есть в отношении исполнения имущественных прав и обязанностей, возникающих при оказании трансплантационных услуг, не затрагивающих абсолютные нематериальные блага (жизнь и здоровье), применяются нормы об ответственности за нарушение обязательств, установленные договором [9].

В силу обязательства, вытекающего из причинения вреда, лицо, действиями которого причинен вред личности или имуществу другого лица (юридического или физического), обязано в полном объеме возместить причиненный вред, а лицо потерпевшее вправе требовать, чтобы понесенный им вред был полностью возмещен. Ответственность в данном случае возникает независимо от факта заключения договора между сторонами. В указанном аспекте нарушение условий договора по оказанию трансплантационных услуг, повлекшее ухудшение состояния здоровья пациента, обуславливает наступление внедоговорной ответственности.

Во-вторых, согласно положениям ст. 1084 ГК РФ вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей, возмещается по правилам, предусмотренным настоящей главой, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности. Поэтому в силу того обстоятельства, что любое медицинское вмешательство (в том числе трансплантационное) в организм пациента может повлечь причинение вреда его жизни или здоровью, в данных отношениях также применим внедоговорной вид гражданско-правовой ответственности, а дополнительные меры ответственности, установленные соглашением сторон, будут использоваться лишь субсидиарно.

Подобная особенность гражданско-правовой ответственности в отношениях по оказанию трансплантационных услуг, на наш взгляд, обусловлена спецификой объектов правовой охраны – жизнь и здоровье граждан, которые относятся к нематериальным благам (п. 1 ст. 150 ГК РФ) и названы законодателем в числе объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Среди всех других право на жизнь имеет особое значение. «Право на жизнь образует первооснову всех прав и свобод, складывающихся в этой

сфере. Оно представляет собой абсолютную ценность мировой цивилизации, ибо все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека». Именно поэтому механизмы защиты таких нематериальных благ, как жизнь и здоровье человека, приобретают особенные черты [6].

В данном аспекте справедливыми представляются замечания А.С. Мнацаканян о том, что должна быть обеспечена максимальная защита нематериальных благ с учетом функции (гражданского права) полной и действенной защиты правового положения и прав субъектов, при которой обеспечивается восстановление и судебная защита нарушенных прав. Путем создания особого правового режима участия в договорных отношениях современное гражданское право обеспечивает защиту слабой стороны, которой выступает потребитель трансплантационной услуги.

Однако установление приоритета деликтной ответственности в сфере оказания трансплантационных услуг может вызывать определенные трудности для верного осмысления.

В первую очередь, следует отметить, что деликтные обязательства основаны на законе и возникают не по воле, а зачастую помимо воли участников гражданских правоотношений. Основанием для возникновения такой ответственности служит факт причинения вреда жизни и здоровью пациента (донора или реципиента). По данной логике, независимо от содержания соглашения сторон, в случае любого ухудшения состояния здоровья пациента у исполнителя должна наступать гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. Учитывая специфику трансплантационного вмешательства, особенно в случаях прижизненного донорства, возникновение подобной ситуации неизбежно, так как сама операция предполагает невозможное изъятие органа или ткани из здорового организма.

При оказании медицинской помощи на основании договора об оказании трансплантационных услуг имеется повышенная вероятность наступления неблагоприятных последствий для пациента по сравнению с иными видами медицинского вмешательства. Именно поэтому законодатель в Законе «О трансплантации органов и (или) тканей человека» определил данный вид медицинской помощи в качестве средства крайнего спасения жизни, применяемого лишь тогда, когда иные методы лечения уже неприменимы или не способны дать положительного результата.

Вместе с тем такая ответственность, возникающая в соответствии с п. 1 ст. 1095 ГК РФ, является повышенной, то есть наступающей независимо от вины исполнителя, поскольку он освобождается от ответственности за неисполнение обязательств, если неисполнение или ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы и по иным основаниям, обязательно предусмотренным законом (ст. 13 Закон РФ «О защите прав потребителей») [5].

Таким образом, существуют предпосылки для привлечения исполнителей трансплантационных услуг к гражданско-правовой ответственности за последствия, не зависящие от качества проведенного медицинского вмешательства, в силу индивидуальных особенностей организма пациента либо донорского материала. В данном аспекте представляется опрометчивым рассчитывать на стремительное развитие трансплантологии, так как во избежание наступления неблагоприятных последствий для себя и медицинского учреждения врачи будут сторониться применения указанного вида лечения.

Таким образом, для возникновения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный при оказании трансплантационных услуг, необходимо наличие следующих условий: причинение вреда жизни, здоровью либо имуществу потерпевшего (пациента); противоправность действий причинителя вреда; наличие причинно-следственной связи между действиями и наступившими последствиями.

Противоправность деяния, действительно, «является необходимым условием наступления гражданско-правовой ответственности. При этом, по общему правилу, правомерное причинение вреда не подлежит возмещению (п. 3. ст. 1064 ГК РФ).

В рамках осуществления медицинской деятельности исполнитель медицинской услуги в силу обязательства, возникающего из договора, принимает обязанность оказать пациенту качественную медицинскую помощь. Однако следует заметить, что такой договор является рискованной сделкой и качество соответствующей услуги определяется исходя из объективно возможного прогнозируемого результата.

Например преждевременно считать некачественной медицинскую услуги, не приведшую к положительному результату, либо причинившую вред здоровью пациента, исключительно в силу особенностей организма или характера болезни, о которых исполнитель объективно не мог предполагать. В

подобной ситуации отсутствует нарушение норм права и договорных обязательств, а вред считается причиненным в результате правомерных действий. Указанное обстоятельство в силу положений ст. 1064 ГК РФ не может квалифицироваться как противоправное поведение, что предполагает освобождение от гражданско-правовой ответственности за причиненный вред.

В данном аспекте необходимым представляется разрешение вопроса отграничения противоправного поведения исполнителя трансплантационной услуги от правомерного, но содержащего элементы обоснованного риска [3].

В свете изложенного существенный интерес представляет позиция А.З. Виноградова, который, исследуя специфику ответственности в медицинской сфере, предложил различать, во-первых, несчастный случай, включающий лишь вред, причиненный правомерными безвиновными действиями; во-вторых, врачебную ошибку – противоправное причинение вреда, совершенное при отсутствии вины причинителя; в-третьих, медицинский деликт, содержащий все четыре условия ответственности (состава правонарушения) [1].

По мнению автора, определяющим при решении вопроса о противоправности поведения исполнителя является отнесение деятельности причинителя вреда к категории врачебной ошибки [4].

Следует заметить, что термин «врачебная ошибка» широко распространен в юридической литературе. Однако в отношении общего понимания содержания данного понятия в рядах ученых отсутствует необходимое единство.

Определение врачебной ошибки не должно основываться на

характере психического отношения медицинского работника к содеянному. В русском языке под словом «ошибка» понимается «неправильность в действиях, мыслях». Исходя из этого определения, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, мысленные врачебные ошибки могут выражаться в неправильном суждении врача о диагнозе, характере необходимого лечения, последствиях медицинского вмешательства. Ошибка в действии может выражаться в совершении неверного действия или в несоблюдении определенной процедуры. Поэтому врачебная ошибка проявляется в виде заблуждения исполнителя медицинской услуги в отношении характера и объема необходимой для восстановления или поддержания здоровья больного медицинской помощи либо в виде ненадлежащего оказания или неоказания соответствующей медицинской помощи.

Во-вторых, «неправильность» действий и мыслей подразумевает несоответствие медицинской помощи установленным правилам, в исследуемой сфере – правилам оказания трансплантационных услуг и условиям договора. Следует отметить, что именно в данной характерной черте врачебной ошибки находит свое отражение условие противоправности [8].

В то же время термином «врачебная ошибка» невозможно описать все возможные случаи противоправного поведения исполнителя медицинской услуги. Например, если пациенту оказывается соответствующая медицинская помощь без его добровольного согласия, такое действие фактически может соответствовать характеру заболевания пациента, быть своевременным и адекватным с точки зрения необходимости осуществления, технически безупречным. Однако подобное вмешательство в организм человека, безусловно, противоправно (за исключением случаев, прямо указанных в законе). Кроме того, противоправность также может выражаться и в предоставлении неполной или недостоверной информации о медицинской услуге.

На сегодняшний день правила оказания трансплантационных услуг установлены приказом Минздрава России от 09.10.2009 г. № 819н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи методом трансплантации органов». В нем определены основы процедуры оказания медицинской помощи методом трансплантации, основы организации деятельности соответствующих учреждений здравоохранения, а также стандарты дополнительного оснащения таких учреждений.

Несложно заметить, что указанные нормативные акты не содержат регламентации всего комплекса мероприятий, осуществляемых при применении данного метода лечения. Поэтому не представляется возможным опираться лишь на разработанные стандарты для определения дефектности оказания медицинской помощи в силу наличия индивидуальных особенностей любых процессов лечения в каждой отдельно взятой ситуации.

Вместе с тем решение о проведении того или иного вмешательства, диагностических исследований, о назначении лекарственных препаратов, указанных в стандарте медицинской помощи, принимается лечащим врачом с учетом состояния больного, течения заболевания, фиксируется в первичной медицинской документации (медицинской карте стационарного больного) и подтверждается письменным согласием пациента.

Необходимо особо отметить, что возложение гражданско-правовой ответственности на исполнителя должно осуществляться в строгих рамках с предписаниями ст. 1064 ГК РФ, в соответствии с которыми любое причинение вреда признается противоправным, пока не доказано обратное. При этом бремя доказывания отсутствия условия противоправности лежит на причинителе вреда.

Еще одним необходимым условием для наступления гражданско-правовой ответственности является наличие причинно-следственной связи. Вопросы причинной связи решаются судебной практикой в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств дела, заключений экспертизы, данных соответствующих отраслей науки и т. д.

Нам представляется наиболее верным понимать в качестве «причинно-следственной» лишь объективно существующую между явлениями связь. Установление этой связи часто сопряжено с существенными трудностями в правоприменительной практике. Так, в случаях, когда условием ответственности за причинение вреда является вина, то согласно правилам п. 2 ст. 1064 ГК РФ процессуальная обязанность по доказыванию отсутствия вины возлагается на медицинское учреждение. Если же ответственность наступает независимо от вины медицинского учреждения, то акцент переносится на доказывание пациентом причинной связи между действиями (бездействием) медицинского учреждения и наступившим вредом.

Однако, как справедливо замечает И.Г. Ломакина, доказывание потерпевшим вины ответчика – чрезвычайно сложная и трудновыполнимая задача. В силу специфичности, непредсказуемости реакции организма на медицинское вмешательство не всегда абсолютно очевидно, от чего конкретно ухудшилось состояние здоровья пациента – из-за небрежности врача или в силу естественных причин.

Кроме того, пациенту, не обладающему специальными познаниями в области медицины, крайне затруднительно самому определить, явилось ли ухудшение его здоровья следствием некачественно оказанной услуги либо оно вызвано особенностями естественных реакций его организма на данный вид лечения, например, в случае отторжения пересаженного донорского органа. Соответственно, пациент поставлен в такое положение, при котором предъявлению требования о возмещении вреда должно предшествовать проведение сложных и зачастую дорогостоящих процедур установления связей между характером медицинского вмешательства и наступившими неблагоприятными последствиями.

В этом отношении считаем целесообразным допустить отступление от общего правила, касающегося необходимости пациенту самому доказывать наличие причинной связи между оказанной трансплантационной услугой и наступившими последствиями.

Список литературы

1. *Виноградов А.З.* Алгоритм правовой квалификации медицинского деликта // *Медицинское право.* 2014. № 4. С. 36-37.
2. *Гражданское право: учебник* : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. Т. 1. С. 432.
3. *Гражданское право: учебник* / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 2014. С. 186.
4. *Кибкало А.П., Мохов А.А., Саямов К.Ю.* Определение понятий «неблагоприятный исход» и «врачебная ошибка» в медицинской практике: социально-правовое значение // *Медицинское право.* 2003. № 4. С. 38-41.
5. Определение Приморского краевого суда от 10.08.2009 г. по делу № 33-6857 // СПС «Консультант плюс».
6. *Права человека: учебник для вузов* / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2003.- С.143.
7. *Романова И.Н.* Актуальные вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина / Сборник материалов VI-й Международной научно-практической конференции «Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение». Московский университет им. С.Ю. Витте, Филиал в г. Пензе. 2015. С. 76-82.

8. Романова И.Н. К вопросу о страховании пациентов, участвующих в клинических исследованиях лекарственных препаратов для медицинского применения // Альманах мировой науки. № 2-3 (2), 2015. С. 169-172.
9. Романова И.Н. Тенденциональный анализ развития рынка услуг страхования жизни и здоровья в России / Материалы XIII международной научно-практической конференции «Россия и Европа: связь культуры и экономики», Прага. 2015. С. 67-70.
10. Тихомиров А.В. К вопросу об обязательствах вследствие причинения вреда здоровью при оказании медицинских услуг // Закон и право. 2001. № 8. С. 30.

**GROUND AND CONDITIONS OF CIVIL LIABILITY FOR HARM CAUSED DURING THE
PROVISION OF TRANSPLANTATION SERVICES**

Sotskova N.I.,

Senior Lecturer, Chair of Civil Law and Process,

e-mail: nsotskova@muiv.ru,

Ryazan Branch of Moscow University named after S. Yu. Witte

<https://www.muiv.ru/ryazan>

The article: the article explores the legal preconditions for attracting to contractual and extra-contractual liability of the participant-participants the obligations arising from the contract aimed at compensatory rendering of services for transplantation of human organs and tissues.

Keywords: transplantation services, Contractual liability, Non-contractual liability, Causing harm, Life and health of a citizen, health care, Medical error, causal relationship

УДК 343.265.2

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО К МОМЕНТУ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Аминов Илья Исакович,

канд. психол. наук, канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<http://adm.msal.ru/?id=6>

Автор анализирует опыт подготовки осужденных лиц к освобождению, также затрагивает проблемы педагогического и социального сопровождения этой категории граждан.

Ключевые слова: социальная изоляция, исправительная (пенитенциарная) система, осужденный к отбыванию наказания, пенитенциарная педагогическая работа, социальное сопровождение, подготовка к освобождению, ресоциализация, адаптация

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-37-41

Успешность всего процесса исправления личности в местах лишения свободы выступает важнейшей предпосылкой ее позитивной ресоциализации после освобождения. В то же время сам процесс ресоциализации, вхождения освобожденного в жизнь, проявление устойчивости к попыткам криминальной среды вновь вовлечь его в преступную деятельность и недопущение рецидива¹ в настоящее время столь сложен и требует столь специфической «педагогической проработки», что его рассматривают как предмет научного интереса специальной отрасли юридической педагогики – *постпенитенциарной педагогики*². Специальная, в том числе педагогическая поддержка лиц, освобождающихся из мест заключения, приобретает сегодня особое значение вместе с утверждением права человека на полноценную социальную и личную жизнь после отбывания наказания. При этом социальная адаптация лиц, освобождаемых из мест заключения, к условиям жизни на свободе пройдет тем успешнее, чем эффективнее будет их подготовка к освобождению.

Таким образом, в рамках постпенитенциарной педагогики выделяют два основных комплекса проблем:

- проблемы готовности личности, завершающей отбывание наказания, к жизни на свободе;
- проблемы педагогического сопровождения, поддержки и коррекции лиц, отбывших наказание, в период их адаптации к жизни на свободе.

Формирование готовности освобождающихся к жизни на свободе осложнено тем обстоятельством, что в период отбывания наказания многие из них даже при успешном исправлении в значительной мере утрачивают позитивные социальные связи и отвыкают самостоятельно решать проблемы, с которыми в обязательном порядке столкнуться, оказавшись вне изоляции от общества³. Конечно, некоторые элементы адаптационного характера для осужденных перед освобождением предусматриваются действующим законодательством (ч. 3 ст. 121, ч. 5 ст. 132 УИК РФ). Однако предоставление условий, когда осужденный на период, предшествующий освобождению, будет находиться за пределами ИУ закрытого типа, следует формально выделить и подвергнуть должной законодательной трактовке. Эту меру можно применять не ко всем осужденным, а только к тем, кто в процессе отбывания наказания не будет переводиться в колонию-поселение. Таким образом, перевод в адаптационные условия перед освобождением может отчасти стать альтернативой КП и отчасти конкурировать с ней⁴.

¹ Дебольский М. Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. № 1.

² Юридическая педагогика в МВД. М.: Академия управления МВД России, 1997. С. 71–75.

³ Исправительная (пенитенциарная) педагогика / под ред. А. И. Зубкова, М. П. Стуровой. С. 67–69.

⁴ Дроздов А.И. Вопросы трудовой адаптации осужденных к лишению свободы в системе социальных лифтов // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2012. № 5. С. 43.

По степени готовности к жизни на свободе выделяются следующие типы осужденных:

– получившие необходимую нравственную и психологическую подготовку к жизни на свободе и не утратившие позитивных социальных связей; для них после освобождения необходимы лишь определенный контроль (в том числе – педагогический) и оказание помощи в решении проблем трудового и бытового устройства, восстановлении позитивных социальных связей и благоприятной обстановки в ближайшем окружении;

– утратившие социально полезные связи и многие навыки жизни на свободе (как правило, такое наблюдается у отбывших длительные сроки лишения свободы). В данном случае требуется не только помощь в решении проблем бытового и трудового устройства, но и активное руководство их социальной адаптацией, постоянный контроль и индивидуально-воспитательная работа;

– адаптированные к условиям отбывания наказания, не демонстрирующие отрицательной криминальной направленности, но не имевшие ранее или вовсе утратившие позитивные социальные связи, жизненные перспективы. Их адаптация в решающей степени будет зависеть от того, в какую систему социального окружения они попадут после освобождения;

– не вставшие на путь исправления и освобождаемые в связи с окончанием срока отбывания наказания. Здесь необходим усиленный педагогический контроль, административный надзор, применение мер административного воздействия и многоаспектная индивидуальная работа по профилактике рецидива.

Особым фактором, способствующим успешной ресоциализации осужденных после отбывания наказания, является специальная работа по подготовке их к освобождению, осуществляемая в исправительном учреждении. Она начинается за шесть месяцев до окончания срока отбывания наказания и проводится начальниками отрядов, психологами, социальными работниками и включает меры организационно-педагогического и учебно-воспитательного характера.

Организационно-педагогические меры выражаются в помощи по педагогически целесообразному трудовому и бытовому устройству осужденных после освобождения, налаживанию и укреплению их положительных связей с родными и близкими. Здесь нередко сотрудники исправительного учреждения действуют совместно с представителями территориальных органов полиции.

Меры учебно-воспитательного характера, как правило, реализуются через работу школы по подготовке осужденных к освобождению и интенсификации индивидуально-воспитательной работы. Занятия в школе проводятся с привлечением представителей полиции общественной безопасности, суда, адвокатуры, иных государственных органов и общественных объединений. Данная школа не только дает осужденному сумму необходимых для социальной адаптации юридических и житейских знаний, но и обеспечивает психологическую подготовку к переходу от условий жизни в исправительном учреждении к условиям жизни на свободе. Поэтому в работу подобных школ активно включаются и практические психологи, которые проводят не только групповые лекции и беседы, но и специальные тренинги. Все чаще для встреч с осужденными привлекаются священнослужители. Изучение осужденных, обучающихся в такой школе, выступает и своеобразным педагогическим тестом на их готовность к освобождению и жизни в условиях свободы.

Блок проблем педагогического сопровождения, поддержки и коррекции лиц, отбывших наказание, непосредственно в период их адаптации к жизни на свободе применительно к сегодняшним реалиям разработан сейчас наиболее полно. Это связано с качественными изменениями во всей системе ресоциализации лиц, отбывших наказание, и объективным переносом в нынешних условиях основной тяжести в этой работе на государственные и негосударственные организации и объединения вне системы Федеральной службы исполнения наказания, в частности, на организуемые реабилитационные центры для освободившихся из мест заключения. Эти центры не просто дают приют бывшим сидельцам, но и оказывают им бесплатную медицинскую, психологическую, юридическую помощь, содействуют в трудоустройстве, оформлении пенсий и других социальных выплат. Таких центров в России в настоящее время более 190. Назовем лишь самые крупные из них, а именно те, что рассчитаны на 50 человек и более:

– Муниципальное учреждение «Центр социальной реабилитации лиц без определенного места жительства и занятий» (Республика Коми, г. Ухта);

- Муниципальное учреждение социального обслуживания «Дом ночного пребывания» (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола);
- Центры социальной адаптации лиц без определенного места жительства (Республика Татарстан, г. Казань, Н. Челны);
- Центр социальной адаптации «Забота» (Краснодарский край, г. Краснодар);
- Центр социального обслуживания «Надежда» (Краснодарский край, г. Армавир);
- Енисейский дом-интернат специального типа (Красноярский край, г. Лесосибирск);
- Муниципальное учреждение социального обслуживания центр реабилитации для лиц без определенного места жительства (Ханты-Мансийский авт. округ, Сургутский р-он, п. Солкино);
- Специальный дом-интернат (Самарская область, с. Красноармейское) и др.

Федеральная служба исполнения наказания сейчас может и самостоятельно, исходя из педагогической целесообразности, решать некоторые вопросы трудового и бытового устройства освобожденных, осуществлять административный надзор, вести работу по профилактике повторных преступлений, особенно совершенных подростками. В ряде случаев сотрудники ФСИН выступают в роли организаторов или координаторов деятельности государственных организаций и общественности в работе по ресоциализации осужденных, например, в рамках попечительских советов при исправительных учреждениях, осуществляющих свою деятельность на безвозмездной основе. В состав попечительского совета при исправительном учреждении могут входить представители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, учреждений и организаций любых организационно-правовых форм, общественных объединений, граждане (ч. 4 ст. 23 УИК). Развиваются также тесные контакты в этом направлении между системой ФСИН и Русской православной церковью.

Однако отсутствие федерального закона о социальной адаптации бывших осужденных (о постпенитенциарной опеке – как вариант) с четким определением основных субъектов, обязанных решать проблемы данной категории лиц, норм, стимулирующих предприятия, учреждения и организации к приему на работу лиц, освободившихся из мест лишения свободы, закреплению их на производстве, повышению их трудовой квалификации, а также предоставления им мест в общежитиях существенно снижает эффективность усилий сотрудников всех служб, в том числе социальных, пенитенциарных учреждений России, призванных возвращать в общество правопослушных граждан.

В качестве направлений дальнейшего развития постпенитенциарной педагогики можно назвать:

- выработку ориентиров в целеполагании и предназначении ресоциализирующей деятельности сотрудников исправительных учреждений, как к деятельности, направленной на пробуждение потребностей у осужденных к самоидентификации, как социальных субъектов жизнедеятельности;
- координацию и слаженность действий всех государственных органов власти (особенно правоохранительных) в области ресоциализации и адаптации бывших осужденных;
- развитие системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров в сфере ресоциализирующей деятельности осужденных, прежде всего в системе ФСИН;
- осуществление систематических исследований по проблемам ресоциализирующей и адаптирующей деятельности государственных органов и ее мониторинг.

Что касается последнего положения, то здесь необходим постоянный контроль со стороны гражданского общества, а также внимательный анализ требований самих осужденных в отношении того, что необходимо предпринять органам государственной власти для скорейшей адаптации освобожденного к условиям нормального существования в социальной среде. Если судить по содержанию листовки общественной организации «Союз заключенных» (2015), то можно сказать, что требования, изложенные в ней, не только справедливы, но и способны не меньше повлиять на исправление и перевоспитание осужденных, предупреждение рецидивной преступности, чем многие государственные программы. В числе таких требований «Союз заключенных» выдвигает: отмену понятия «судимость»; исключение признания из числа допустимых доказательств; выборы судей всех уровней; обязательный адвокатский стаж для судей; введение в план преддипломной практики студентов, специализирующихся на уголовном праве, обязательной стажировки в действующих следственных изоляторах; ограничение срока содержания под стражей по тяжким преступлениям до 6 месяцев, особо тяжким – 1 года; запрет сотрудникам правоохранительных органов выступать в качестве свидетелей обвинения и др.

Таким образом, педагогическое сопровождение освободившихся из исправительных учреждений, их постпенитенциарная адаптация является особенно важным периодом их ресоциализации. Организация работы субъектов ресоциализации данной категории лиц настолько важна, что учет и совершенствование вышеперечисленных направлений неминуемо приведет к позитивному результату – духовной переориентации на общечеловеческие нравственные ценности.

ORGANIZATIONAL-LEGAL AND PEDAGOGICAL PECULIARITIES OF ADAPTATION OF THE PERSONALITY OF THE CONDEMNED TO THE MOMENT OF RELEASE

Aminov I.I.,

*Candidate of Psychological Sciences, Candidate of jurisprudence, associate professor,
associate professor Chair of Criminology and Criminal Executive Law
Moscow State Legal University of O.E. Kutafina (MSWU)
<http://adm.msal.ru/?id=6>*

The author analyzes experience of preparation of the condemned persons to release, also touches on issues of social maintenance of this category of citizens.

Keywords: social exclusion, correctional (prison) system, condemned to punishment, the penitentiary pedagogical work, social support, preparation for release, re-socialization, adaptation

УДК 343.1

ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРОВОКАЦИИ ВЗЯТКИ ЛИБО КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

Федюнин Антон Евгеньевич,

д-р юрид. наук,

проф. кафедры уголовного процесса,

e-mail: aef@bk.ru,

Саратовская государственная юридическая академия

http://сгюа.рф,

Алферов Владимир Юрьевич,

канд. юрид. наук,

доц. кафедры правосудия и правоохранительной деятельности,

e-mail: va18343@yandex.ru,

Саратовский социально-экономический институт (филиал) «РЭУ имени Г.В.Плеханова»),

http://www.rea.ru/ru/org/branches/Pages/saratov.aspx

В статье приведены результаты исследования, посвященного проблемам проведения оперативного эксперимента и документирования провокации взятки либо коммерческого подкупа, рассмотрены вопросы разграничения оперативного эксперимента и провокации, предложено авторское понятие провокации.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, оперативно-розыскное мероприятие, оперативно-розыскная деятельность, документирование, провокация, взятка, коммерческий подкуп

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-41-49

Статью 304 УК РФ, предусматривающую ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, нельзя назвать особо востребованной правоприменителями. Вместе с тем, рассмотрение вопросов ответственности за соответствующее преступление имеет практический смысл, поскольку она нередко связана с ошибочной оценкой действий оперативных сотрудников, направленных прежде всего на его выявление. Такие действия зачастую неосновательно рассматривают как провокацию, исключая уголовную ответственность. В этой связи весьма актуальной проблемой теории и практики оперативно-розыскной деятельности является определение допустимых пределов процедуры реализации оперативной информации с тем, чтобы действия оперативных сотрудников не превращались в провокацию преступлений.

Провокация взятки либо коммерческого подкупа в уголовном законе определена как «попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа».

Объектом данного преступления являются отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия. Дополнительным объектом могут быть законные интересы личности, общественной, государственной или коммерческой организации. Таким образом, потерпевшими от этого преступления могут быть должностные лица, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

Объективная сторона характеризуется провокацией взятки или коммерческого подкупа, выражающейся в попытке передачи указанным лицам без их согласия денег, ценных бумаг, иного имущества, либо шантажа. Отсутствие согласия означает, что должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции, не заявляло о требованиях передачи взятки или осуществления коммерческого подкупа, не давало на них согласие.

Цель данного преступления – создать видимость наличия доказательств того, что должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, было

намерено получить деньги или иные ценные бумаги, либо воспользоваться услугами имущественного характера за совершение в интересах дающего действия (бездействия), которое оно могло совершить в связи с занимаемым служебным положением. Мотивом преступления чаще всего является карьеризм, зависть, корысть, месть и т.п.¹

Моральные, нравственные и правовые аспекты борьбы с преступностью всегда вызывали серьезные дискуссии. Инструментарий, который государство использует для защиты своих интересов, прав и свобод граждан обычно соответствует нравственным ценностям общества. При этом один и тот же инструмент может использоваться и во благо, и во вред. Но в борьбе с преступностью общество вынуждено использовать адекватные средства и задачей законодателя является разработка правового механизма их применения, методов контроля и надзора.

О недопустимости провокации как **метода расследования преступлений** спорят давно. Ещё на рубеже XIX-XX в.в. в юридической литературе по поводу этической и правовой оценки провокации преступлений со стороны властей отмечалось следующее: «Ссылка на служебные обязанности сама по себе несостоятельна уже потому, что никакой закон не уполномочивает и не может уполномочить кого-либо на подобную деятельность. Обязанность полиции состоит в раскрытии совершенных преступлений и в предупреждении готовящихся. Но и в том, и в другом случае эта деятельность не имеет ничего общего с созданием новых преступлений и преступных попыток. Такая ссылка не извинительна не только тогда, когда данный агент по своему почину прибег к подобному способу открытия преступника, но и тогда, когда он действовал по приказу начальника, так как подобный приказ незаконен»².

Несмотря на то, что вопросы использования провокации в борьбе с преступностью, а также попытки определения самого понятия провокации предпринимались в исследованиях ряда отечественных ученых: Авдеев В.А., Авдеев В.Г., Андреев В.Б., Боженко С.В., Борисенко К.А., Бугаевская Н.В., Волженкин Б.В., Гаврилов Б.Я., Глазырин Ф.В., Головин А.Ю., Городилов А.А., Гусаков А.Н., Жуков А.М., Жукова Н.И., Иванов В.А., Капитонов Н., Кошко А.Ф., Кругликов А.П., Кузнецова О.А., Лопашенко Н.А., Лурье Ф., Малышев С.Я., Миллер Г., Мусаткин А.Н., Нехорошев А.Б., Оржеховский И.В., Подольный Н.А., Юрин В.М и др., в отечественном законодательстве до сих пор отсутствует само понятие провокации. В этой связи, на практике возникают проблемы с разграничением ее от такого оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) как оперативный эксперимент при документировании фактов преступной деятельности. Таким образом, представляется актуальным определение понятия провокации и разграничение ее с оперативным экспериментом, осуществляемым в рамках исполнения закона об «Оперативно-розыскной деятельности».

Под провокацией в уголовно-правовом аспекте часто понимают подстрекательство к совершению преступления. В соответствии с ч.4 ст. 33 УК РФ подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Таким образом, сущность провокации состоит в том, что провокатор сам возбуждает в другом лице намерение совершить преступление с целью последующего изобличения его либо шантажа, создания зависимого положения. Уяснение сущности провокации особенно необходимо оперативному сотруднику, поскольку в соответствии с п.4 ч.8 ст. 5 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (Далее – «Закон об ОРД») органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокации).

Криминологи и специалисты в сфере оперативно-розыскной деятельности достаточно единодушны во мнении о недопустимости использования метода провокации в борьбе с преступностью, в частности, со взяточничеством, так как провокация «связана не с предупреждением преступлений, а с их совершением»⁴. Считаются неприемлемыми и даже признаются уголовно-наказуемыми провоциру-

¹ См: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 854.

² Таганцев Н.С. «Лекции. Часть Общая» Т.1 М. 1994. С. 349.

³ Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ, 1995. №33. Ст. 3349.

⁴ Иванов В.А. Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. 2001. № 3. С. 17.

ющие действия со стороны сотрудников оперативных подразделений и сотрудничающих с ними лиц, которые носят характер навязывания (подталкивания) лица к совершению преступления.

А.Н. Мусаткин называет такие действия «недопустимо активным поведением сотрудников»⁵, которое он определяет как провокацию. Подобные действия игнорируют задачу правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по выявлению, раскрытию, предупреждению и пресечению преступлений (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»), подменяя ее незаконным, в том числе уголовно-противоправным склонением к совершению преступления⁶.

Таким образом, подлежит ответственности должностное лицо, если оно вызывает кого-либо на предложение ему взятки с тем, чтобы в последующем изобличить его. Провокация есть намеренное, искусственное создание преступления с целью его последующего разоблачения. Провокация требует наличия прямого умысла.

От провокации взятки следует отличать случаи действительного раскрытия взяточничества, когда должностное лицо изобличает дающего или предлагающего взятку, не создавая при этом обстановки или условий, вызывающих предложение взятки.

Особо нужно отметить, что если должностное лицо получило предложение взятки по инициативе взяткодателя и в целях его изобличения согласилось принять предложенную ему взятку, своевременно заявив об этом следственным органам, то в таких случаях нет элементов искусственного создания обстоятельств дачи взятки. Такие действия должностного лица следует рассматривать как законные меры борьбы со взяточничеством.

В настоящее время законодательно не определено смысловое содержание понятия «провокация преступления». В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под провокацией понимается «предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия»⁷.

Некоторые авторы рассматривают провокацию как разновидность подстрекательства к преступлению. Иногда провокацию связывают с любыми действиями, которые побуждают к совершению преступления.

Провокация (от латинского *provocatio* – вызов) – действие или ряд действий с целью вызвать ответное действие или бездействие провоцируемого(ых), как правило, с целью искусственного создания таким образом тяжелых обстоятельств или последствий для провоцируемого(ых). Субъект, совершающий провокации, называется провокатором. Так как провокации основываются на особенностях психологии человека и его поведении как социального существа, они изучаются психологией и социологией.

В Советском энциклопедическом словаре под провокацией понималось – во первых подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т.д. к действиям, которые повлекут за собой тяжелые последствия, во вторых – предательские действия, совершаемые агентами полиции⁸.

Согласно Толковому словарю русского языка, провокация – это предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжкие для него последствия⁹.

Военный энциклопедический словарь дает понятие «провокация вооруженная» – агрессивные действия с целью вызвать вооруженный конфликт¹⁰.

Очевидно, что провокация не может быть осуществлена без активных действий подстрекателя – лица, склонившего кого-либо к совершению преступления, т.е. умышленно возбудившего у

⁵ Мусаткин А.Н. Об использовании результатов оперативных мероприятий по делам о взятках / А.Н. Мусаткин // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Часть 1. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. С. 408.

⁶ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2013. 1008 с.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений, 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 607.

⁸ Советский энциклопедический словарь / Науч. ред. совет: А.М. Прохоров и др. ; Гл. ред. С.М. Ковалев. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 1075.

⁹ См: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений, 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 607.

¹⁰ Военный энциклопедический словарь / коллективный автор, Министерство обороны СССР; Гл. ред. Н.В. Огарков. М.: Военное издательство, 1983. С. 593.

другого лица решимость совершить конкретное преступление путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

Подстрекательство может иметь место только в отношении лица, которое является свободным в выборе между преступным и не преступным вариантом поведения, которое может быть склонено к совершению преступления. Подстрекательство может также рассматриваться как провокация преступления: подстрекательство исполнителя или другого соучастника к совершению преступного деяния с целью привлечения его к ответственности за такие действия.

Действия подстрекателя совершаются с прямым умыслом. Подстрекательство может быть поглощено организацией преступления, если лицо продолжит деятельность по склонению других лиц к совершению преступления разработкой плана действий, руководством совершением преступления и иными действиями, образующими организацию преступления.

Провокация и подстрекательство как форма соучастия не являются тождественными и такое понятие как «склонение другого лица к совершению преступления» не в состоянии отобразить все многообразие форм провокации. Российское уголовное законодательство не содержит нормы, описывающей признаки провокации преступления и регламентирующей ее правовые последствия. Это приводит к возникновению множества спорных вопросов, как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике¹¹.

Проблема защиты от неправомерной провокации решается в рамках доктрины так называемой *entrapment defence*, т.е. права обвиняемого защищаться ссылкой на провокацию со стороны представителей правоохранительных органов и обязанности обвинительной власти опровергнуть данную версию. Если защита настаивает, что преступное поведение является результатом «творческой деятельности» сотрудников правоохранительных органов, которые используют методы убеждения или побуждения, которые создают значительный риск, что такое преступление будет совершено лицами, кроме тех, кто готов совершить его, то задачей судов является провести грань между ловушкой для неосторожных невинных людей и ловушкой для неосторожного преступника.

Как показывает практика и результаты научных исследований, умысел на совершение преступления у лица может сформироваться внезапно, в том числе и в результате правомерных действий представителей правоохранительных органов¹². Действия оперативных сотрудников должны быть законны, направлены на борьбу с преступностью и не должны рассматриваться как провокационные. К тому же правомерными действиями законопослушное лицо на совершение преступления спровоцировать невозможно. Возникают вопросы: какие действия оперативных сотрудников считать правомерными? По каким критериям следует разграничивать действия при проведении ОРМ?

Главный вопрос здесь – от кого исходит инициатива. Например, если заподозренное лицо само требует, тем более вымогает взятку без какого-либо провоцирующего вмешательства, совершает действия, направленные на ее получение, то последующая деятельность оперативных сотрудников правомерна.

Провоцировать можно на совершение фактически любого умышленного преступления, но Уголовный кодекс РФ предусматривает уголовную ответственность только за провокацию взятки либо коммерческого подкупа (статья 304 УК РФ), что является не логичным и свидетельствует о специфической или элитной группе потерпевших, о которых проявляется особая забота законодателя.

Требуют научного анализа и остались за сферой уголовно-правовой регламентации такие виды провокационных действий, как провокация изнасилования, убийства, сбыта или приобретения наркотических средств или психотропных веществ, провокация необходимой обороны, кражи, вымогательства и т.п., так как в этих случаях возникает вопрос о правовой оценке провокаторской деятельности. Отсутствие правовых норм не позволяет дать правильную оценку провокационным действиям.

Энциклопедическое определение «провокация» в уголовном законодательстве выражено в двух формах: подстрекательство к совершению взяточничества и провокация взятки. Под ней следует понимать организованное и целенаправленное воздействие со стороны сотрудников правоохранительных

¹¹ Лопашенко Н.А., Юрин В.М., Нехорошев А.Б. Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. Сборник научных статей. Саратов. СЮИ МВД России. 1999. С. 149.

¹² Мальшев С.Я. Правовая, организационная и тактическая основы оперативного эксперимента (по материалам органов внутренних дел). М. Академия управления МВД России. 2003. С. 78-80

органов и иных лиц на отдельных конкретных людей с целью склонения их к совершению преступных деяний (дача-получение взятки) или осуществление иных действий, направленных на преднамеренную фальсификацию якобы доказательственной информации и искусственную имитацию наличия улики.

Таким образом, инициатива передачи взятки при провокационной деятельности изначально исходит от провоцирующего лица, заранее решившего обеспечить привлечение провоцируемого лица к ответственности по статье 290 или статье 291 УК РФ. Волженкин Б.В. не разделяет эти формы уголовно-значимой провокации и, на наш взгляд, совершенно необоснованно расширительно толкует статью 304 УК РФ, полностью «вкладывая» энциклопедическое понятие «провокации» в диспозицию данной уголовно-правовой нормы¹³.

Анализ решений Европейского суда по правам человека показывает, что провокационная деятельность должностных лиц правоохранительных органов и иных категорий граждан признается незаконной. Европейский суд по правам человека считает подобные методы борьбы с преступностью недопустимыми. В связи с этим государство обязано признавать такие действия преступными и, соответственно установить уголовную ответственность за их совершение¹⁴.

Таким образом, отсутствие в современном Российском законодательстве четкой дефиниции провокации преступления не позволяет в полном объеме эффективно применять такое оперативно-розыскное мероприятие как оперативный эксперимент, имеющий некоторые черты провокации. Вместе с тем, учитывая приведенные в работе точки зрения ученых и практиков, исследовавших понятие провокации, полагаем, что под **провокацией** следует понимать *организованное воздействие со стороны правоохранительных органов на отдельных лиц или группы с целью склонения их к совершению преступных деяний путем убеждения, обучения и вовлечения в преступную деятельность, при условии, что данное лицо ранее не имело сформировавшегося умысла на совершение преступления.*

В этой связи актуальным для изучения, анализа и правоприменительной практики является постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г., вынесенное по жалобе Г.А. Ваньяна к Российской Федерации¹⁵, в котором констатируется, что он был привлечен к уголовной ответственности и осужден в результате провокации преступления, совершенной сотрудниками органов внутренних дел¹⁶.

Поэтому важно обратить внимание сотрудников правоохранительных органов на особенности осуществления отдельных оперативно-розыскных мероприятий, вызывающих наибольшую дискуссионность в разграничении их от провокации. К числу таких оперативно-розыскных мероприятий, в первую очередь, относятся «оперативный эксперимент» и «проверочная закупка». В нашем случае предметом рассмотрения будет являться только оперативный эксперимент.

Исследование правового регулирования оперативного эксперимента осложнено тем обстоятельством, что в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», а также в других нормативных правовых актах отсутствует его определение и должным образом не регламентированы процедурные элементы порядка его проведения. Это затрудняет на практике единообразное применение оперативного эксперимента, что нередко влечет превышение оперативными сотрудниками своих полномочий и способствует нарушению конституционных прав граждан.

В соответствии с большинством точек зрения в юридической науке и согласно ст. 26 рекомендательного законодательного акта «О борьбе с организованной преступностью», принятому постановле-

¹³ Волженкин Б.В. Служебные преступления / Волженкин Б.В. М.: Юристъ, 2000. С. 271-274.

¹⁴ Batista M.G.C. Improvising at work: the differences between experts and novices / M.G.C. Batista, M.P. Cunha // *International Journal of Organizational Theory and Behavior*. 2008. Vol. 11, № 3. P. 310; Cognitive activity efficiency factors during investigative activities, performed using information and communication technologies / E. Kravets, Yu. Steshenko, A. Likhovetov, D. Kairgaliev, D. Vasiliev // *Communications in Computer and Information Science*. 2014. Vol. 466. P. 589; Quiñtieri P. Admissibility of False-Confession Testimony: Know Thy Standard / P. Quiñtieri, K.J. Weiss // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online*. 2005. Vol. 33, № 4. P. 537; Rossi P.G. Recommendation without experts? Epistemological implications in the development of screening guidelines / P.G. Rossi // *Preventive medicine*. 2016. Vol. 83. P. 23; Stoughton S.W. Evidentiary Rules as Police Reform / S.W. Stoughton // *University Of Miami Law Review*. 2015. Vol. 69 (429). P. 444.

¹⁵ Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 «Дело «Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации» (жалоба №53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. №7.

¹⁶ Более подробнее см: Гаврилов Б.Я., Боженок С.В. К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского Суда по правам человека) // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 40.

нием Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 2 ноября 1996 г., *под оперативным экспериментом* следует понимать воспроизведение действий, обстановки или иных обстоятельств противоправного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступных действий, выявления лиц их готовящих или совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных противоправных действий или получения новых данных о противоправной деятельности¹⁷.

Таким образом, оперативный эксперимент заключается, прежде всего, в наблюдении и контроле за преступлением, совершаемым (подготавливаемым) наблюдаемым лицом добровольно, помимо воли наблюдателей, в целях пресечения и раскрытия преступлений. С учетом данной аргументации оперативный эксперимент – это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в создании негласно контролируемых условий и объектов для преступных посягательств, с целью выявления и документирования преступных действий, при которых подозреваемое лицо находится в ситуации добровольного выбора совершения тех или иных действий, а также предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

В соответствии с ч.8 ст. 8 Закона «Об ОРД» проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

С учетом изложенного полагаем, что провокационными могут быть признаны такие действия, при которых лицо, являющееся объектом оперативного эксперимента, решается на совершение преступления только благодаря подстрекательству, а не вследствие собственного преступного намерения. Фактически подстрекательство приводит к искусственному созданию лицами, осуществляющими оперативные мероприятия, доказательств виновности в совершении преступления, что не имеет ничего общего с целями и задачами оперативного эксперимента.

Как свидетельствует практика, наиболее часто оперативные эксперименты проводятся в отношении лиц, вымогающих взятки, либо участвующих в коммерческом подкупе. В этой связи очень важным является разъяснение Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹⁸ в п. 34 которого указано, что «От преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа.

Указанные действия совершаются в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы, и преступление не было бы совершено.

Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ)».

При проведении оперативного эксперимента инициатива на совершение преступления должна исходить только от проверяемого (разрабатываемого) лица, а не от оперативных сотрудников. В про-

¹⁷ См.: Рекомендательный законодательный акт «О борьбе с организованной преступностью». Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (Санкт-Петербург, 2 ноября 1996 г.) // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ: <http://iacis.ru/upload/iblock/ebd/033.pdf> (дата обращения 11.11.2016).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 №24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // БВС РФ, №9, сентябрь, 2013.

тивном случае побуждение к преступным действиям или вовлечение лица в совершение преступления с целью его дальнейшего разоблачения, если у такого лица отсутствовал умысел на совершение преступления, является провокацией преступления. Любые действия, связанные с провокацией преступления, не могут быть признаны правомерными. В своем решении Европейский Суд по правам человека справедливо признал, что «публичные интересы не могут служить оправданием провокаций со стороны правоохранительных органов».

Таким образом, выводы и предложения, сделанные в работе могут использоваться при дальнейших исследованиях проблемных вопросов выявления и раскрытия преступлений с использованием оперативного эксперимента в оперативно-розыскной деятельности, а также придания доказательственного значения сведениям, получаемым для дальнейшего их использования органами предварительного расследования.

Список литературы

1. *Авдеев В.А.* Государственная политика РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 24-28.
2. *Борисенко К.А.* К вопросу о понятии оперативного эксперимента как эффективного средства борьбы с преступлениями коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе России // <http://отрасли-права.рф/article/7988> (дата обращения 11.11.2016).
3. *Гаврилов Б.Я., Боженок С.В.* К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского Суда по правам человека) // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 38-44.
4. *Головин А.Ю.* Проблемные вопросы квалификации преступлений по статьям 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.Ю. Головин, Н.В. Бугаевская // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 12-17.
5. Документирование взяточничества и коммерческого подкупа в условиях нового антикоррупционного законодательства: учебно-практическое пособие / Андреев В.Б., Авдеев В.Г., Городилов А.А. и др. Калининград: Изд-во КЮИ МВД РФ, 2010. 242 с.
6. *Иванов В.А.* Провокация или правомерная деятельность? // Уголовное право. 2001. № 3. С. 9-23.
7. *Кузнецова О.А.* Коррупционная деятельность: криминологический и уголовно-правовой аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кузнецова О.А. Тамбов, 2007. 23 с.
8. *Малышев С.Я.* Правовая, организационная и тактическая основы оперативного эксперимента (по материалам органов внутренних дел). М. Академия управления МВД России. 2003. С. 78-80
9. *Мусаткин А.Н.* Об использовании результатов оперативных мероприятий по делам о взятках / А.Н. Мусаткин // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Часть 1. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. С. 405-409.
10. *Подольный Н.А.* Некоторые проблемы расследования коррупционных преступлений / Н.А. Подольный // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 197-206.
11. *Batista M.G.C.* Improvising at work: the differences between experts and novices / M.G.C. Batista, M.P. Cunha // International Journal of Organization Theory and Behavior. 2008. Vol. 11, № 3. P. 295-315.
12. Cognitive activity efficiency factors during investigative actions, performed using information and communication technologies / E. Kravets, Yu. Steshenko, A. Likholetov, D. Kairgaliev, D. Vasiliev // Communications in Computer and Information Science. 2014. Vol. 466. P. 585-592.
13. *Quintieri P.* Admissibility of False Confession Testimony: Know Thy Standard / P. Quintieri, K.J. Weiss // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online. 2005. Vol. 33, № 4. P. 535-538.
14. *Rossi P.G.* Recommendation without experts? Epistemological implications in the development of screening guidelines / P.G. Rossi // Preventive medicine. 2016. Vol. 83. P. 22-25.
15. *Stoughton S.W.* Evidentiary Rulings as Police Reform / S.W. Stoughton // University Of Miami Law Review. 2015. Vol. 69 (429). P. 429-468.

OPERATIONAL EXPERIMENT AND DOCUMENTATION PROVOCATION
OF A BRIBE OR COMMERCIAL PAYOFF

Fediunin A.E.,

Doctor of Law, Professor of Criminal Proceedings Department

e-mail: aef@bk.ru,

of Saratov State Academy of Law

<http://сзюа.рф>,

Alferov V.Yu.,

PhD, Assistant Professor of Justice and Law Enforcement Department

e-mail: va18343@yandex.ru,

of Saratov Socio-Economic Institute (branch) "RG Plekhanov»)

<http://www.rea.ru/ru/org/branches/Pages/saratov.aspx>

The article presents the results of a study on the problems of an operational experiment and documentation provocation of a bribe or commercial payoff, the issues of delimitation of the operational experiment and provocation, the author suggested the concept of provocation.

Keywords: operational experiment, operational-investigative activity, operational-investigative activity, documentation, provocation, bribery, commercial bribery

УДК 343.985

ВОПРОСЫ НАУЧНОГО ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ

Уварова Ирина Александровна,
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса,
e-mail: iuvarova@muiiv.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте,*

Юрчук Василий Степанович,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
e-mail: vJurchuk@muiiv.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте
<https://www.muiiv.ru>*

В статье затронуты проблемные аспекты расследования преступлений, проанализированы различные точки зрения ученых-криминалистов относительно сущности и содержания следственной ситуации.

Ключевые слова: следственная ситуация, типичная следственная ситуация, расследование преступлений, этапы предварительного расследования, индивидуальность расследования

DOI 10.21777/2587-9472-2017-1-49-52

В общем смысле расследование – это деятельность, направленная на выявление каких-либо ранее неизвестных явлений, обстоятельств, их конкретных причин. В уголовном процессе понятие «расследование» имеет особое значение. Это «регулируемая правовыми нормами деятельность следователей и органов дознания, которая берет начало от возбуждения уголовного дела и завершается составлением обвинительного заключения» [1, с.3].

И.М. Лузгин понимает под расследованием «...юридическую деятельность, обеспечивающую раскрытие преступления и доказывание в установленном порядке обстоятельств преступления для принятия соответствующего решения» [2, с.1 5]. Расследование осуществляется на основе глубокого и всестороннего изучения связей, характеризующих сущность и содержание явлений, образующих преступление [3, с. 4]. Оно направлено на решение общих задач уголовного расследования.

Говоря о расследовании, как о целостной системе действий определенных субъектов доказывания, необходимо отметить, что осуществляется оно не хаотично, а с соблюдением определенных правил, переходя от одного этапа к другому в зависимости от информационной значимости полученных сведений, совокупность которых в последующем является основой для принятия определенного решения на каждом этапе. «Этап расследования – это такой его элемент, который представляет собой взаимосвязанную систему действий, объединенных единством задач, условий расследования, спецификой криминалистических приемов» [4, с. 86].

Правильно спланировать и целеустремленно провести расследование по любому уголовному делу можно только в том случае, если четко определены задачи расследования [5, с. 7].

В ряде пособий по криминалистике указывается, что при определении задач расследования целесообразно пользоваться так называемой «семичленной» формулой. Эта формула включает в себя следующие вопросы: что совершено, где, когда, каким образом, кем, с помощью кого или чего, почему. Ответы на эти вопросы якобы должны обеспечить выяснение всех существенных обстоятельств дела [5, с. 8].

Мы считаем, что содержащиеся в этой формуле вопросы не исчерпывают всех задач расследования. В частности, в ней отсутствуют вопросы относительно обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Поэтому при определении задач расследования, необходимо руководствоваться соответствующими статьями уголовного и уголовно-процессуального законов.

Задачи расследования нельзя рассматривать как нечто неизменное. Они изменяются на различных этапах его проведения в зависимости от содержания и полноты доказательств. Так, по общему пра-

вилу, при расследовании преступлений, в момент производства неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, могут возникнуть следующие задачи:

- выявление и фиксация доказательств, на основе которых можно достоверно решить вопрос о том, признаки какого преступления имеют место (ст. 228, 228.1, 230, 231, 232 УК РФ);
- обнаружение подозреваемого в совершении преступлений;
- принятие необходимых мер по предотвращению готовящегося преступления;
- выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Расследование любого преступления осуществляется в конкретных условиях времени, места, окружающей его среды, взаимосвязях с другими процессами объективной действительности, поведением лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, и под воздействием иных, порой остающихся неизвестными для следователя факторов. Эта сложная система взаимодействий образует в итоге ту конкретную обстановку, в которой действуют следователь и иные субъекты, участвующие в доказывании, и в которой происходит расследование. Эта обстановка получила в криминалистике общее название следственной ситуации. О следственной ситуации, её значении для расследования, необходимости её учета для эффективного использования криминалистических рекомендаций начиная с 1959 года, неоднократно упоминается в работах Р.С. Белкина [6, с. 331, 332; 7, с. 32; 8].

Но также о следственной ситуации упоминали и другие авторы. Так, в 1967 году А.Н. Колесниченко писал: «В осуществлении принципа индивидуальности расследования могут быть выделены следующие два основных элемента: а) анализ и оценка следственной ситуации; б) выбор наиболее эффективной систем приемов расследования. Анализ следственной ситуации должен быть всесторонним, глубоким и безупречным в логическом отношении. Установление особенностей ситуации базируется на личном опыте следователя в расследовании преступлений. Выбор наиболее эффективной системы приемов раскрытия конкретного преступления определяется не только глубиной анализа и правильно-стью оценки ситуации, но и творческим подходом к решению возникших задач» [9, с. 16]. Аналогичные мысли можно встретить и у многих других авторов того периода [10, с. 157].

Первое определение следственной ситуации дал в 1967 году А.Н. Колесниченко. Под следственной ситуацией он понимал «определенное положение в расследовании преступлений, характеризующее наличием тех или иных доказательств и информационного материала, и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки» [11, с. 509].

Следующее определение сформулировал в 1972 году В.Е. Корноухов, который рассматривал следственную ситуацию как закономерность процесса расследования. «Под следственной ситуацией, – писал он, – следует понимать объективно повторяемое положение в процессе расследования, обусловленное фактическими данными, которое определяет процесс обнаружения и собирания доказательств» [12, с. 93].

В 1973 году В.К. Гавло определил следственную ситуацию «как совокупность фактических данных, которые отражают существенные черты события, каким оно представляется на том или ином этапе расследования преступлений» [13, с. 90].

Одновременно с В.К. Гавло свое определение следственной ситуации предложил И.Ф. Герасимов, придя к выводу о том, что следственная ситуация – это «совокупность обстоятельств по делу, которая может быть благоприятной или не благоприятной для каких-либо выводов и действий следователя» [14, с. 82]. Впоследствии И.Ф. Герасимов предложил иное определение: «следственная ситуация – это сложившаяся на определенный момент расследования, внутренне необходимая, склонная к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценка, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов действий» [15, с. 173].

По мнению Л.Я. Драпкина, следственная ситуация – это «динамическая информационная система, элементами которой являются существенные признаки и свойства обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, связи и отношения между ними, а также между участниками процесса расследования, наступившие или предполагаемые результаты действий сторон» [16, с. 28].

Наиболее точно (в информационном плане) определил следственную ситуацию В.И. Шиканов: «следственная ситуация – это совокупность данных, характеризующих обстановку, в которой следователю надлежит действовать» [17, с. 157].

С точки зрения Н.А. Селиванова под следственной ситуацией понимается сумма значимой для расследования информации, имеющейся в распоряжении следователя к определенному моменту расследования. Содержание следственной ситуации составляют: собранные по делу доказательства; иная информация, имеющая значение для расследования; сведения об источниках получения такой информации. Эти фактические данные в их совокупности представляют собой конкретный момент и позволяют следователю дать им надлежащую оценку и принять вытекающие из этой оценки решения о своих дальнейших действиях [18, с. 58].

Анализируя существующие в криминалистической литературе определения [19, с. 113-114], можно сделать вывод, что следственная ситуация – это совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т.е. та обстановка, в которой протекает процесс доказывания.

Чтобы охарактеризовать типичную следственную ситуацию, надо ответить, какие обстоятельства расследуемого события и в какой мере установлены, а также насколько очевидны пути дальнейшего расследования. Соотношение различных структурных элементов информационной основы следственной ситуации дифференцируется в зависимости от конкретной ситуации. В одних случаях имеется больше доказательственной информации и меньше оперативно-розыскной, а в других – наоборот. Поэтому, при любых обстоятельствах лицо, проводящее дознание, следователь, прокурор или суд должны учитывать весь комплекс факторов. Когда речь идет о криминалистической характеристике конкретного преступления, необходимо учитывать факторы, которые перечислены Р.С. Белкиным [8]: наличие в распоряжении органа расследования сил, средств, времени и возможностей их использования оптимальным образом; отношение преступника и иных заинтересованных лиц к установлению истины по делу; осведомленность следователя; проведение конкретных следственных действий; наличие средств передачи информации из учетных аппаратов органов внутренних дел и др.

Данные факторы во многом индивидуальны и учитываются при организации и выработке тактики проверки конкретных следственных и розыскных версий. Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел, а также других заинтересованных министерств и ведомств является важным условием успешной борьбы с преступностью на современном этапе развития общества и государства.

Список литературы

1. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970. С. 3.
2. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 15.
3. Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. М., 1984. С. 4.
4. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 86.
5. Лузгин И.М. Планирование расследования : лекция. М., 1962. С. 7.
6. Белкин Р.С. Криминалистика. М., 1959. С. 331, 333.
7. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966.
8. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1978. Т. 1 Гл. 2, 6.
9. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис.... д-ра юрид. наук., Харьков, 1967. С. 16.
10. Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М. Планирование расследования. М., 1972. С. 32 Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 157.
11. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : дис.... д-ра юрид. наук, Харьков, 1967. С. 509.
12. Корноухов В.Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений / В кн.: Материалы научной конференции. Красноярск, 1972. С. 93.
13. Гавло В.К. О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц / В кн.: Вопросы криминалистической методологии и методики расследования. М., 1973. С. 90.
14. Герасимов И.Ф. Принципы построения методики раскрытия преступлений / В кн. Вопросы криминалистической методологии и методики расследования. М., 1973. С. 82.
15. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 173.

16. Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Научн. труды Свердловского юрид. ин-та, Вып.41. Свердловск, 1975. С. 28.
17. Шиканов В.И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений / Методика расследования преступлений (общие положения). Материалы научно-практической конференции. М., 1976. С. 157.
18. Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственной ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 58.
19. Образцов В.А., Танасевич В.Г. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации / Советское государство и право, 1979. №8. С. 113, 114.

QUESTIONS SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF THE NATURE AND CONTENT OF
INVESTIGATIVE SITUATION

Uvarova I.A.,

*Candidate of Law, associate professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure
e-mail: iuvarova@muiv.ru,
Moscow Witte University,*

Urchuk V.S.,

*candidate of legal sciences,
associate professor of department of theory and history of the state and right,
e-mail: vJurchuk@muiv.ru,
Moscow Witte University
<http://www.muiv.ru>*

The article touches upon the problematic aspects of crime investigation, analyze different points of view of scientists-criminalists about the nature and content of investigative situation.

Keywords: investigative situation, a typical investigation situation, the investigation of crimes, the stages of the preliminary investigation, the identity of the investigation

**Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте.
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (10)' 2017**

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Электронное издание.

Подписано в тираж 10.08.2018

Печ. л. 6,87. Усл.-печ. л. 6,39. Уч.-изд. л. 3,97.

Объем 7,82 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 18-0218.

Отпечатано в ООО «СиДи Копи»,

111024, Москва, ул. Пруд Ключики, д. 3, тел. 8 (495) 730-41-88

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8(495) 783-68-48, доб. 45-11.